

Василь Маслович

Твори в ХД

*(Тексти Василя Масловича, надруковані в журналі
«Харьковский Демокрит»; 1816 рік, січень-червень)*

Все в ежемєсячны пустилися изданья.
И, словом, вижу я в стране моей родной –
Журналов *тысячу*, а книги ни одной!

Вірші

Українською мовою

Від'їзд студента на учительство до Олешків

*

На голос: Гой почула моя доля

*Знать, в такій родився долі,
Щоби вік прожити в школі.
Тепер вже не буду в службі,
Буду горе терпіть, нужди.
Буду жить с учениками,
Не с воєнними панами –
А все вражі прохвесòри
Мені викопали чори!
Шлють мене в уїзд поганий,
А не в повк гусарський, гарний!
Уже сів я на тележку
Прямо їхать во Олешку –
Що ж я буду там робити?
Світ сей дàрма тяготити.
Гой, товариші, прощайте!
Жалость к бідному ви майте,
Він не піде воєвати,
Їде хлопців научати,
Букви знали щоб складати,
Та щоб знали, як писати.
Лучше б мені при шаблиці,*

*Чим при гаспидській таблиці.
Лучше б в платї быть сребреном,
Чим стоять при досці с мелом.
Лучше б мені в караулі,
В школі чим сидіть на стулі.
Лучше б мені быть при шпорах,
Чим ходити по конторах.
Лучше б мені с киверечком,
Чим носиться с букваречком.
Як би гарно було в тасці!..
Щоб учених взяли трясці!
Я би в війсці легулярним,
Там би був не титулярним;
Тутенька ж в сим згину чині,
Що ж робити в сій годині? –
Своє горенько терпіти,
Щоби мед опісля пити.
Обізвалась так година;
І поїхав парубчина!¹*

(ХД № 5).

¹ Песня сия не совершенно на малороссийском языке написана, а на смешанном, или, так сказать, украинском. (Тут і далі у виносках примітки Василя Масловича).

Пісня сімейству

Гой там, по Зміївській дорозі,
За Васищевим за селом,
За Удами при перевозі,*
В селі маленьком В....
Стоїть хороша нова хата,
Людьми добрими багата!

Який живе там добрий пан,
Яка живе там добра паня! –
Так добрі, любі, хоч Бояна,
То стане в пинь і сам Боян.
А панночка... та що казати,
Її неможна описати!

О, як криви учених товки.
Чи є у них на шаг ума?
Все пишуть, що остались вовки,
А що людей зовсім нема.
Є люди, та шукать не хочуть,
Брехнею цілий світ морочать.
Коли б вони панів сих знали,
Таких писулєк не писали!

А..... зветься добрий пан,
А паня люба Л.....,
А люба панночка Н.....,
Її я б радістю назвав!
Вона отцю і справді радість!
А матері – потиха сладість!

Є ще у них якась панянка,
Багата на імена,
Хто називає – Прасковьянка,
А хто зове її – *Княжна*.
А хто і он як називає:
Що будто би вона сіяє!
Дай Бог їй доброго здоров'я!
Тож добра панночка Прасковья!

У пана є іще паничик,
Його зовуть всі *Сашиурок*,
Моторний, шаловлив, як бісик,
Но буде умний парубок.
Уж пів Граматики він знає,
І по-латинському читає!!
Хто не шалив, як був малим?
Не треба тільки бути злим.

Я і великий, та шалю;
Но злого серця я не маю;
За то себе і почитаю,
За то себе я і люблю.

Панів сих вік я не забуду,
Коли би всі такі були!
За них за всіх молитесь буду,
Щоби здоровенько жили!
Хіба ведмедем треба бути,
Щоби їх ласки позабути!

О, як вони мене кохали!
Не гість у них – родний я був!
Ще раз приїхати прохали –
І я би з'араз к ним задув,
Хоч сю минуту сів на дροжки –
Та занятий ділами трошки.

(ХД № 6).

Великороською мовою

Послание к Демокриту с чердака бедного стихотворца

Смею рекомендоваться
Вам, весёлый Демокрит,
Вашей дружбою ласкаться,
Бедный харьковский пиит.*
Не оставьте без вниманья
Вы того, кто редко сыт,
Кто, хотя без состоянья –
Но имеет аппетит.
Руку помощи подайте,
Бог за это наградит.
«Ближним вашим помогайте», –
Так писание гласит.
Но не думайте, чтоб звонкой
Стал монеты я просить, –
Я голяк, но надо тонко
Вам со мною поступить.
Знаю часто я диету,
Хоть желудок мой ворчит,
Но не думайте монету
Мне в подарок предложить.
Я хотя, как Ир, убогий,*
Хоть пиит – но так я горд,
Как философ самый строгий,
Иль как англинский милорд.
Чем могу вам быть полезный,
Коль угодно вам спросить,

Вот в чём, Демокрит любезный,
Ваша помощь состоит:
Кончил рифм Словарь я славный,
То нельзя ль вас потрудить,
Сей Словарь большой, исправный,
Свешникову похвалить.*
Вы имеете дар слова!
В вас огонь поэзии влит! —
Уломайте Свешникова
Славный сей товар купить,
Я ценою поступлюся.
Хоть Словарь мой знаменит! —
Я, для пользы всех тружуся,
Тысяч пять, и — будем квит.
Ведь не дорого? — Я скромн,
В барышах он можешь быть.
Лексикон мой толст, огромен!
Всех в столице он взманит!
К Свешникову, словно тучи,
Так пииты нагрядут,
Сыпать денег станут кучи,
Все в столице запоют!
Секретарь забудет годы,
Протоколы бросит он,
А писать примется оды,
Даст французам в них трезвон!
Поп читать псалтырь престанет,
Взявши в руку длинну трость,
На еретиков он грянет,
Чтоб не ели мяса в пост.
А военные-нахалы,

Девушкам и бабам в честь,
Песенки и мадригалы
Беспрестанно будут плесть.
Безобразны девы, дамы,
Юным, нежным красотам,
Полны желчью эпиграммы
Развезут по всем местам.
Академик две поэмы
Будет в месяц выдавать.
Математик теоремы
Станет в рифмы подбирать.
А конфетчик за билеты
Перестанет школярам
На кредит давать конфеты –
Он спечёт билеты сам.
Словом, все: кузнец, пирожник,
Журналист, матрос, портной,
Блинник, шляпник и сапожник,
Хлебник, мастер часовой,
Ювелир, игрок, сиделец,
Франт, философ и столяр,
Откупщик, законовед,
Медик, шорник и фигляр,
Винокур и музыканты,
И цирюльник, крендельщик,
Окулист, комедианты,
И актёр, и погребщик...
Все б Словарь мой покупали –
Свешников, какой доход!!
Злата б реки притекали
В твой сундук или комод!

Петь имеют все охоту,
Если только рифмы есть.
Всяк, принявшись за работу,
Век стихи желает плесть. –
Сколько выгод непременно
Связано с моим трудом:
Росс бы славных и отменных
Авторов имел содом!
Я бы – тоже для желудка
Трёх гусей всегда имел,
Был бы сыт – сие не шутка!
Чудеса б я произвел!
А российская держава, –
Как бы ты тогда цвела!
В поздни веки громка слава
Разнесла б твои дела!!²

(ХД № 2).

² Издатель с особым удовольствием помещает в свой Журнал послание харьковского стихотворца – может быть, господин Свешников, или ещё какой книгопродавец, прочитает эти строки и, прочитавши, нет сомнения, что пожелает вступить в торг с господином сочинителем Словаря рифм. Ибо (оставя шутки) подобный труд бесполезен и не так лёгок, как многие думают; а, следовательно, и нельзя иметь его за безделушку – прошу не прогневаться, господа книгопродавцы!

Алмазы и стразы

(Истинное происшествие)

«Любезный Дмитрий, ты напрасно
Надел с брильянтами кафтан,
Тебе по вечерам ходить небезопасно», –
Сказал так Дмитрию Степан.³
Не беспокойся, брат, – ведь Дмитрий
Не прост, а сам довольно хитрый,
Об этом он уж рассуждал,
И превратил брильянт в хрусталь!
Сие подслушавши, Евгений,
У коего проворный гений,
Димитрию так говорил:
«Нехорошо ты поступил.
Добро, пускай бы за алмазы
Тебя убили – так и быть –
А то смешно, как уж – за *стразы*
Да не велят на свете жить!»

(ХД № 2).

³ Даже имена нарочно те самые оставлены.

Интерес

(Сатира)

Учёные умы, позвольте мне узнать,
Доколь вы будете нам книги издавать?!
Доколе будете, запёршись в кабинете,
Чернилом убелять тьму сущую на свете?
Уж и без вас давно все люди говорят:
Кто праведен, тот прав, кто грешен – виноват.
Вы ж, если смыслите, так покажите средство,
Как можно избежать, на свете живши, бедства?
А если и сего нельзя уж вам сказать,
То хоть скажите нам – кто злу всему есть мать?
«Законы слабые», – один нас уверяет,
«Примеры вредные», – другой предполагает,
Но третий, возразив, с досадой вопиет:
«От роскоши всё зло произошло на свет».
Поклон мой сим умам и мыслям их вернейшим,
Поклон всем авторам викариям первейшим.
Я твёрдо верую, и присягну сей час,
Что книги их нигде не учат худу нас,
Но кто, читая их, уж плохо ныне видит,
Тот неужель мужей великих тех обидит,
Что и свою им мысль приложит для суда?
Спроситься, кажется, не есть ещё беда;
Один лишь Аруэт* себя той спесью славил,
Что посторонние умы в умы не ставил,
А я так думаю, что тем не погрешу,
Когда умней себя о чём ни есть спрошу?

А именно, вот что мой ум не постигает:
Не интерес ли зло на свете всё рождает?*

Не он ли главная причина есть тому,
Что без греха прожить не можно никому?
Сам дьявол, где ко злу всё средство потеряет,
В пособие его всегда употребляет.

Припомните, когда ходил он за Христом
И царство показал богатое перстом,
Употреблял свои все хитры покушенья,
Чтоб сына Божия довести до искушенья,
То милость обещал, то милости просил
И, наконец, с стыдом во ад отослан был;
Припомните, как вся тогда геенска сила
Подпоры более ни в чём не находила,
Но злой ведь Вельзевул и тут не позабыл,
Что интерес ещё ему на помощь был:

Прибегнул к сладкому сему для смертных яду
И к козням новые доставил средства аду.
В чём сам дух хитростей успеть никак не мог,
Увы, в том интерес тотчас ему помог!
Прельщён Иуда им, и предан Бог на муки.
О, интерес, твои его убили руки! –
Но остановимся о том мы продолжать,
Чего без ужаса нельзя вообразать.

Рассмотрим лучше связь дел нам людей подобных,
Разумных, дураков, святых и преподобных.
Рассмотрим пахаря, у коего все дни
В предмете с тернием загоны лишь одни;
Зачем он трудится? За тем ли, чтоб оралом
Чин выпахать себе и выйти генералом?
Иль силится чрез то добиться ко кресту,

Имея круглый год лицо своё в поту?
Иль хочет он святым соделаться от плуга?
Иль лестно для него название царска друга?
Нет! Он охотою и в старосты нейдёт;
Так что ж причиною таких его работ?
Первейшая – чтоб есть, другая – денег боле
Желается ему достать чрез плуг и поле.
О, интерес, и тут ты тоже, интерес,
Твой видно и в пыли блеск яркий не исчез;
Но пусть то хорошо, что ты к трудам оходишь,
Да чем же после нам за те труды заплотишь?
Привычкой к жадности, привычкой к грабежу.
И что то истина, я твёрдо докажу.
Боятся, например, в посты есть пахарь с соком,
И маслом щи подбить считает он пороком;
Боятся выбрать кумы своей куму,
И хлеб собаке дать, что нищий клал в суму;
Боятся крест стереть, написанный в крещенье,
Боятся ворона убить в своём селенье;
Боятся курицы, что пела петухом,
И голубей стрелять считает он грехом;
Охотнее готов с своим расстаться домом,
Чем погасить пожар, зажжённый в оном громом;
Боятся мельников, боится ворожей,
Боятся мертвецов, боится росстаней;*
Короче, он всего боится – уступает,
Где только интерес его не вооружает,
А для него готов и вдовий луг скосить,
И в поле сироту копною заделить;
Готов за сноп один вонзить соседу вилы:
Вот как и набожным душам прибитки милы!

Рассмотрим и купца, который и гроша
С тем в руки не возьмёт, не сделав барыша;
Что рыба без воды, растение без влаги,
Хвостун без языка, подьячий без бумаги,
То точно и купец без интереса есть:
Он божество его, и жизнь его, и честь.
От полюса пройти до полюса другого
Не поленится он для барыша большого;
А вера и закон ничто суть для него,
Коль нет ему от них прибытку ничего.
Купец для барыша не только к аду ближе,
Но и за ад ещё готов спуститься ниже,
И если б в Тартаре публиковать подряд,
То точно бы он там был торговаться рад.
Попробуйте открыть вдруг пред его глазами
И рай, небесный дом, и биржу с кораблями,
И посмотрите, что скорей его займёт:
Жилище ли святых иль торг и оборот?
«Един Бог без греха», – вот что, вздохнув, он скажет,
И в зал купеческий вести себя прикажет.
Там смоляной матрос и шкипер с колбасой
Приятней для него, чем Авраам святой:
«Начто о будущем так рано заниматься?
В могиле, – скажет он, – успеем належаться».
Рассмотрим барины, которой вопиет,
Что Ной по грамоте отцу его есть дед,
Что предок был его при штурме Ерихона,
А потому и герб его – с мечём корона,
Что за отечество, за веру и любовь
Готов охотно он пролить до капли кровь;
Рассмотрим мы его поближе и потоне,*

Что есть отличного в кичливой сей персоне?
То правда, что он есть в отечестве тот член,
На коем главный руль правленья укреплен,
Ветр с поля без него так сильно в парус дунет,
Что весь гражданской груз тотчас на камень сунет,
И чтобы чернь была в связи как двор один,
Необходим в таком дворе есть дворянин.
Многоразличные правленья – суть – машины,
Имеют колесà, валы, зубцы, пружины,
Что всё хоть государь и мудро сорудил,
Но нужен человек, чтоб в срок их заводил,
А ина́че тотчас всё двигаться престанет,
И ги́ря и закон лежать без действия станет.
А кто тот человек? Не нужно толковать,
Ни как его зовут, ни где его сыскать,
Известны всем его и имя и порода,
Известны, но, увы, в семье не без урода;
Коварный интерес и эту чисту кровь
Умеет очернить через свою любовь.
Нередко офицер, имея алчность к злату,
Не полный выдаёт паёк муки́ солдату,
И там уже, где всё извешено лот в лот,
Старается найти на терезях доход.*
Нередко комендант, дарами обольщённый,
Без совести сдаёт редут, ему вручённый.
Нередко генерал, для равной же вины,
Переменяет ход счастливыя войны.
И быв неустрашим среди картечь летящих,
Робеет и бежит от талеров блестящих.
Увы, отечество, увы, и ты, закон,
Не слышимы вы там, где слышен денег звон!

Но это лишь в войне, то что ж увидим дале,
Когда явимся мы в судейской мирной зале?
Там алчный секретарь, не делом утруждён,
А мздой виновника великой убеждён,
Ворочает листы, перебирает числа,
Стараясь в них найти указа разны смыслы,
Дабы чрез то не он законы исполнял,
А делал то закон, что секретарь сказал.
Короче объяснить, сей изверг государства
Закон чтёт за царя без подданных и царства,
И им, как мышьяком, и лечит и мертвит,
Смотря то потому, как интерес велит.
А выбранный судья дворянскими балами,
Не занимается казёнными делами,
Сидит и думает, какой бы взять предлог,
Чтоб и его в пять цифр длиною был итог;
Сидит – но секретарь, заметя план судейский,
Подходит с важностью, яко посол индейский,
И говорит ему: «Обряд не есть закон,
И так я думаю, что время выйти вон,
Понеже сбившись просители, как туча,
Желают выхода, присутствием наскуча;
Законы ж вам велят и дома то читать,
О чём намерены в суде вы рассуждать,
И не затем они нас здесь определили,
Дабы мы, правя суд, без пропитанья были.
В присяге мы клялись, чтоб с верностью служить,
Но в ней не сказано, чтоб нам ни есть, ни пить.
Жиды, и не служа, но русско достоянье
В аренду взяв, себе имеют пропитанье,

А правды сыщику на что о том тужить,
Что нечем лишней ноль к итогу приложить.
Спросите лишь о том проворную персону,
То есть секретаря – яко ключа закону,
А с ним, распорядя предбудущей итог,
Поможет точно вам в желании сам Бог.
Делить в молчании... и дателя оправить
Есть то ж, что грешника в погрешности исправить,
А кто на то подаст в присутствие извет,
Тот, без сомнения, в остроге пропадет.
Указ о ябде довольно средств доставил,
Чтоб всякой судия, служа, свой счёт составил,
Итак, держитесь лишь меня во всех делах;
Совет мой право вам насчёт итога, благ».

Вот как хранители закона поступают,
Вот дворянина как прибытки повреждают.
Рассмотримте ж теперь и пастырей церковей,
Которым поручён ключ царствия дверей:
Фонвизина слуга их, правда, уж тревожил,*
Но только совесть их нимало не умножил;
Осталось у них, и по сие число,
Одно и то ж в руках для паствы ремесло.
То есть: они людьми, как куклами, играют
И, миру мир моля, мир с миром обдирают;

.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....
.....

.....
Что ж? То ли делать им велел Творец небес?
Отнюдь не то, сему ж причиной интерес;
А без того, на что б учителям спасенья
Червонцы доводить свои до утеснения
И экипаж иметь такой величины,
Коль двери райские в аршин лишь ширины?
На что им покупать под бронзою комоды,
Когда на небесах на них совсем нет моды?
И хитрые замки на что к ним прибирать,
Коль в небе и воров нельзя предполагать?
О зол всех обер-зло, поносной интерес,
Тобой ад движется, тобою крепок бес,
Ты, будучи царём над тартарской геенной,
Пороки распустил над целою вселенной!

(ХД № 3).

О грации

4

Почтенны господа словесна факультета
О милой грации* ждут от меня ответа:
 Божественный Платон,
 Беати, Мендельзон,
И Сульцер, Монтестье, и Гагедорн, и Гомы,*
 Писали толстые о сей богине томы,
 Писали – но могли ль они её открыть?
 Я в этом случае скажу, как Симонид:*
«Чем больше думаю о грации любезной,
Тем больше вижу я, что труд мой бесполезный».
О, грация, тебя лишь можно ощущать,
 Но дерзновение тебя определять!
Чем, чем филологи тебя ни величали?
 Тебе все имена приятны приписали:
 Любезность, простота
 И скромность, миловидность,
 Пленительность и чистота,
 Простосердечие, невинность....
И, словом, тысячу имён имела ты,
И в виде прелести, и в виде остроты,
Очаровательным глазам ты их являлась
Однако и поднесь загадкою осталась.
 В твореньях многих ты певцов
 Свой трон имеешь из цветов,
 Над коим ты витаешь,

⁴ Это один из четырёх письменных вопросов, данных мне по случаю экзамена...

Но ясно никому себя не открываешь.
Довольно голову ломать:
Я речь о грации в осьми строках скончаю,
Я *дочерью* её Минервы называю,
Она Анакреонту – *мать*,
Горация – *подруга*,
Тибуллова – *супруга*,
Назон – *двоюродный* ей брат,
Гомер ей *дядя* и Вергилий,
Вольтер ей *сват*,
А Тредьяковский наш Василий*
Для ней лютейший *шах* и *мат*!

(ХД № 4).

Аминте

Где журчал ручей серебристый
И цветочки напоял,
Где высокий дуб ветвистый
Гром и бури презирал:

Там Аминт, пастух любезный,*
Пригорюнивши сидит;
Проливает токи слезны,
Что пастушка не глядит.

Изломал свою свирелку,
С грусти целый день не ел...
Люди часто за безделку
Плачут – их такой удел!

(ХД № 4).

К ...

Дай рост тебе... иной, побольше,
Не так квадратен стан – потоньше,
Дай раза в три лица белей,
Свежей,
Круглей,
Милей, –
Дай вдвое меньше губы
И поровнее зубы,
Дай, наконец, не так искривлен нос,
И левый глаз чтоб не был кос:
Тогда и ты... – судя не строго,
Могла б занять немного.

(ХД №4).

В альбом О. Б. Р.

Чтобы испортил первый лист
В альбоме вашем журналист,
Вы этого желали.

Прекрасный ваш альбом на тот конец прислали!

Но что же он напишет в нём? –
«В альбом потребно больше лести,
Я с нею вовсе незнаком;

А истин написать готов я вам, хоть двести.

Извольте слушать: вот оне:

Что вы умны – в том нет сомненья.

Что вы скромны – то знают все –

А посему знак удивленья

Поставлю я на стороне!

Прибавя к удивленью точку,

Окончу тем последню строчку.

(ХД № 4).

К соседу

Ну что, любезный мой сосед,
Как кажется тебе мой мед? —
Вчера с тобой мы погуляли,
Без церемоний, без чинов,
И только лишь вчера узнали:
Меж нами может быть любовь!

Вчера я очень весел был,
Себя и целый свет забыл,
Забыл мою я даже *трубку*,
Не знаю, как я с головой!
Вчера соорили мы шутку,
Не скоро нам дождать другой!

Мы здесь тогда лишь и живём,
Когда смеёмся и поём!
Вот только жизни наслажденье —
А остальное вздор и пыль.
Кому день каждый воскресенье,
Так может тот сказать: «Я жил!»

(ХД № 4).

Элегия на потерю рожка

Плачь, плачь, мой бедный нос, и токи лей на землю,
Тебе элегию писать я предприемлю:
Жестокая судьба! Немилосердный рок,
Почто ты у меня похитил мой рожок?!*
Для рока красть рожки и срамно и постыдно,
Знать счастье моё всегда тебе завидно;
Ты ввечеру на мне свечёю сжёшь колпак,
А нынче нюхаешь ты из рожка табак,
Хотя мне сей рожок принадлежал по праву;
Он составлял мою утеху и забаву,
Он здравие хранил всегда в моих ноздрях;
Ах, никогда они с ним не были в прыщах!
Увы, я без него стал сущий сирота,
И носа моего увянет красота!
О, люто о рожке моём воспоминанье!
Я в сердце чувствую несносное страданье.
Приятели мои, пролейте слёзный ток,
Бывало, я и вам трясу на соколок,*
И вы рожком моим блестящим любовались,
А ныне с ним и вы навеки уж расстались!
Рыдай и ты, рыдай, пузырь мой с табаком!
Ах! не увидишься ты более с рожком,
Ты друга потерял в сем русском человеке,
Такого не найдём мы друга в нашем веке,
В котором любят все не нас, а кошелёк;
Старинных нравов был покойный мой рожок!
Прочь, табакерка, прочь, ты изверг, бусурманка,
Ты носа моего свирепая тиранка,
Ты за собой влечёшь и струпья, и прыщи,

Приятелей таких ты к немцам в нос тащи!
Внемлите мне теперь, несправедливы боги!
Коль к носу моему вы были столько строги,
 Что у него рожок насильно отняли
 И тем удар ему ужасный нанесли:
Не думайте, чтоб я спознался с изуверкой,
Чтоб гадил русский нос немецкой табакеркой;
 Клянётся в том моя печальная ноздря,
 Что буду нюхать я всегда из пузыря,
 И нос дотолле мой рожка не позабудет,
Доколе в мире сем табак он нюхать будет.

(ХД № 5).

Воспоминание

Здесь под этой старой грушей,
С юной *Грушей* я сидел,*
И, её пленяясь душой,
Радость в ней мою имел.

Купидон летал над нами,
Всё резвился, да шалил,
И преострыми стрелами
Наши он сердца разил.

С милой *Грушей* я обнялся;
Мы томились от ран!..
Мы томились, он смеялся,
Снова взялся за колчан.

«Ай, ай, ай!» – кричала *Груша*,
«Ох, ох, ох!» – и я вздыхал; –
Мила *Груша*, моя душа!
Я твоим навеки стал!

Если я тебя забуду,
Пусть меня забудет Бог!
Пусть несчастлив вечно буду,
Коль тебя забыть возмог!»

«Не клянися так, Петруша!
Много так не обещавай, —
Говорила нежна *Груша*, —
А своё мне сердце дай».

Вот уж десять лет, как сердце
Отдал *Груше* я моей,
И нельзя сказать, что в перце
Сердце спрятано у ней!!

(ХД № 5).

Стихи по получении докторского достоинства

Филиппка, в два мига к портному мой мундир.
Да вышьет сребрены на рукавах петлицы!
Дабы узнал скорей подлунный целый мир,
Что к докторской и я принадлежу станице.
Се из школярства вдруг на славы верх взнесён!
Забыв мучительны и тяжкие уроки,
В дипломе лестные теперь читаю строки –
Завидный жребий мой с чем может быть сравнён? –
Цари и короли, марграфы и герцоги,
Хотите ль, чтоб сказал всю истину я вам?
За ваши скипетры, не только *чёрной тоги*,⁵
Кусочка моего диплома не отдам!!

(ХД № 6).

⁵ Докторской мантии или докторского плаща.

Ода 1816 года. В день ангела

Большой бы был я простачина,
Когда б тебе, Александрина,
В твой день стихов не написал!
Предстань ко мне, Филипп⁶, скорее,
Настрой мне лиру повернее:
Уж я давненько не играл!

«Что? Что? Филипп уж лиры строит!»⁷
Прошу меня не беспокоить,
Но дальше слушать, господа!
Коль призываю я Филиппку,
Не лиру разумею – скрипку,
И балалайку иногда!

На скрипке – «*У сусіда хата...*»,
На балалайке – «*Ей, ребята!...*» –
Две эти песни я бренчу.
Итак, прошу: мне не мешайте,
Вопросами не докучайте.
На верх горы я полечу!

⁶ Слуга мой.

⁷ Сей вопрос очень натурален. Филиппка до сих пор мне строил только *балалайки*, что можно видеть из некоторых к нему посланий.

Но не на Пинд, а на *Холодну*^{8*}
Я штуку выброшу премодну!
Я на *Холодной* запою.
Гора *Холодна* Пинда ниже,
Да и гораздо Пинда ближе –
Похвалит штучку всяк мою.

Притом и то сказать мне должно,
Что очень было бы безбожно
Мне Пинд *Холодной* предпочесть!
Гора *Холодная* воструха!
Вокруг неё везде сивуха,
Начнёшь стихи невольню плести!

Хотя истоки вы кастальски*
Все выпьете – ни мало-мальски
Не будете весёлы вы.
Когда ж откупщика сивухи
Вы выпьете хоть пол-осьмухи,
Так не поднимете главы!

⁸ Так называется в Харькове гора.

Но вот уж я и на *Холодной!*
Восторг великий, благородный,
Комический мой обнял дух:
Я вижу дом Александрины,⁹
К стопам бросаю *райски крины*,¹⁰
Прошу Юпитера я вслух:

«Дай Бог, любезна Александра,
Чтобы печалей саламандра
Бежала за сто вёрст от вас!
Чтоб вы лишь радости вкушали;
А мы бы менее страдали
От ваших *архимилых*¹¹ глаз!»

(ХД № 6).

⁹ Этот стих не лишний: с Холодной горы видны все почти дома.

¹⁰ Смотрите: «Харьковский Демокрит» № 5, статью 13.

¹¹ Читатели, простите за такое неслыханное новое словцо: рифма и стопа чего не заставят сделать!

Послание к эпикурейцам

(От брата Эпикура)

Друзья почтенные, с прискорбием сердечным
Весть огорчительну брат объявляет вам:
Проститься должен я с весельем быстротечным
И ездить перестать к *красоточкам кумам!*
Прощай, любезна радость наша;
Вина французского бутылъ!
И ты, огромна пунша чаша,
И сербский танец, и кадриль!
Оставить надо вас на время,
Прощай, брат *Дмитрий*, брат *Андрей!*
Хочу я философско семя
Посеять в голове моей.
Хочу, короче, заниматься,
Забыть на месяц винный сок;
Во кучу книжну закопаться
И этот испытать урок:
«Как хочешь, так ты умудряйся,
Смешной и жалкий человек,
А непременно собирайся
Окончить свой дурацкий век!
Хватай, хоть звёзды, брат, ты с неба,
И о бессмертьи говори;
*А умирати тобі треба,*¹²
Так лучше пей, да меньше ври».
Начто нам в жизни сей фигуры,

¹² Малороссийская поговорка.

Начто обманывать себя?
Смешны, ей Богу, балагуры
Все философьы для меня!
Зачем желать чего не можно;
Начто нам ангелами быть?
Мы *человеки* – нам и должно
По-человечьи, братцы, жить!
Смешные стойки, твердите
Себе подобным мудрецам:
«Одни коренья лишь едите,
Чтоб быть угодным небесам;
Одну лишь воду вы вкушайте,
Забудьте женский хитрый род,
Как можно больше изнуряйте
Вы смертну, брэнну вашу плоть;
Одной *душою* занимайся,
Будь *больше*, нежель человек,
Побольше *сечь* себя старайся,
И твой блаженный будет век!»
Пускай при вас сие блаженство,
Мы вам охотно отдаём:
Неужли это совершенство,
Когда себя мы плетью бьём?
*Когда в беседе вы довольны,
Спокойны совестью и вольны,
Коль есть краса, едим и пьём,
Тогда лишь истинно живём.*
Простите, братцы, я болтаю,
А, право, некогда болтать,
Пустым лишь вас я занимаю,
А надо к делу приступать!

Скорей прощайтесь со мною,
Опорожним скорей бутылъ;
Остаться вашим рад слугою,
Пока во мне не станет сил.
Ещё прощайте, братцы, оба,
Ваш друг, слуга и всё до гроба!

(ХД № 6).

Балалаечная песнь

(На мир 1815 года)

*И. Д. К.**

Почтенный Книгин, ты хотел,
Дабы́ я проиграл на лире;
Но балалайка мой удел,
И я бренчу на ней о мире!
Владеет лирой лишь Пиндар,*
А мне как с греком сим сравниться!
Притом же к лире нужен жар,
А следственно, и *чад* и *пар*,
Так голова и разболится!
А голова когда болит,
На свете всё равно не жить;
Так лучше с лирой не дружиться.
Позволь Масловичу, чтоб он
Так, как *глава рифмачей шайки*,
Тебе поднёс не лиры звон,
А звуки хриплой балалайки!

Балалаечная песнь

Филипп! Где наша балалайка?
Возьми её, да заиграй-ка,
Хоть «Барыню», хоть «Третьяка»,
А я возьмуся за бока,
По-русски или по-хохлацки,
Разá два, три, пройдуся хватски!

Потом бумаги приготовь:
В восторге я писать готов.
Опять вселенной мир дарован!
Наполеошка пойман, скован,
На край земли его везут!..
Скажи, Филиппка, мне: как тут
Твой барин может удержаться,
Чтоб не запеть, не расплясаться?
Ну, так, Филипп, играй, играй,
И «го-цо-цо-цо» припевай!
Короче, будь мне Аполлоном,
И хриплым балалайки тоном
Мои ты уши восхищай.
Евтерпа будет пусть *Параска*,*
Ну, вот и музыка, и пляска!
Филиппка балалайку взял,
И уж бренчит и припевает;
Моя Евтерпа выступает...
Я тоже праздно не стоял.
Параску тучну взял за руки,
Выбрасывал час с нею штуки!
Теперь в поту и изнурён,
На кресле важно отдыхаю,
Кленовой лиры строю тон,
Воспеть я мир предпринимаю.
О мир, ты с самых первых лет
Похож на ветреную моду:
Вдруг есть, потом мгновенно нет;
Не радость мир такой народу!
Пожалуйста, красавчик мир,
Пребудь у нас хоть Ноя веки,*

Чтоб отдохнул подлунный мир,*
Счастливей стали человеки,
Когда захочет Бонька к нам*
Пожаловать к несчастным в гости,
Сердитым повели волнам
Сокрыть его в пучину кости.
Уже, ей Богу, мочи нет!
Лишь жечь, колоть, стрелять, рубиться;
Я верить не хочу, чтоб свет
Не мог без брани обойтись.
.....
.....

(ХД № 6).

Учёность в параде

Се вся учёность нынь по форме нарядилась,*
И, прицепив к бедру шпажонку, прибодрилась!
Смотри, как храбро *икс*, со шляпой под плечом,
К параду выступил, как гренадёр с ружьём;
Стряхнув с себя табак, и пыль, и паутину,
Он вздёрнул с гордостью задумчиву личину.
Смотрите! Шествует в серебристом блеске *газ*,
Как Зевс во облаке фосфорном к нам несясь.
Дивитесь пышности, наряду *магнетизма*,
И величавости угрюма *силлогизма*.
В весельи *кантицизм* там из ботфорт торчит,
Как франт по улице *эстетика* летит.
Смотрите странную и редкую фигуру,
Смотрите пляшущу кадрили *литературу*!
Парадный видя сей учёный легион,
В тупик бы, кажется, Вергилий стал Марон,
Рафаэль, Апеллес штандарт бы преклонили;
Они ведь маляры, а не Гогарты были.*

(ХД № 6).

К фортуне

Ну, фортуна, я с тобою
Примируюсь теперь.
Ты мне на голову надела
Славный докторский колпак!*

Но, фортуна, я умею
Благодарным быть и сам;
Ты не видишь, ты слепая,
Я же доктор, и в моей
Воле пилю и пилюли,
Красны, белы порошки,
Разны травки и муравки:
Стану думать день и ночь,
Как бы бедненькой фортуне
Вставить зрячие глаза!
Но, однако, я заврался:
Вот и видно по всему,
Что я доктор настоящий!
А ведь докторов удел,
Обещать как можно больше,
Не исполнить ни на грош!
Ведь судьбой определено,
Чтоб фортуне быть слепой!
Как же, как же мне возможно
Счастье зрением снабдить?
Ну, фортуночка, прости же,
Объяснился я не так;
Я хотел сказать, сударка,
Вот что милости твоей:
Что в твои глазные ямки

Вставлю пару катышков,
Из чудесного состава:
Будут лучше глаз они!
Хоть они и непрозрачны,
Барышня, но верьте мне,
Actio их будет та же,
Pariter от Зевса глаз!*

Вот какой рецепт, фортуна,
Сочиняется для вас:
Мази я *благоразумья*
Взять желаю целый гран;*
Осторожности два грана
И, прибавя порошок,
Под названьем *дальновидный*,
Весь состав смешаю я,
Славным соком *постоянства*
Хорошенько оболью,
И из этой уж лепёшки
Два шарà я сотворю.
Кажется, что будет можно
Этим очи заменить.
Вижу многие вельможи
Смотрят волком на меня:
О, конечно, всем счастливым
И случайным будет *мат*,
Коль, фортуна, ты узнаешь
Все погрешности свои!
Кто чрез жёночку смазливую
Получил себе чины,
Ордена и денежонки,
Скажет *счастье «баста»* тем.

Кто сначала чрез поклоны,
Через лесть и язычок,
Высоконько взгромоздившись,
Стал потом надут, спесив,
И тому фортуна песню
«Баста, баста» запоёт;
А под случай, чтоб и в бурсу
Не отправила назад!
Словом, вам лишь, добры люди,
Вам, достойные умы,
Вам одним начнёт фортуна
Изливать свои дары!

Но сие тогда случится,
Как составлю я шары;
А на это мне потребно
Миллион и больше лет.

(ХД № 6).

Певец во стане эпикурейцев

Друзья, собранье усладим,
Вино стоит пред нами,
Дай два ведра опорожним,
Украсимся венками!

Кому судьбою здесь дано,
Возможные все средства,
Чтоб пить хорошее вино,
Так тот не знает бедства.

Пустое полно говорить,
Забудем плута Боньку...
Не лучше ль нам винца налить
И выпить полегоньку?

Тебе сей кубок, *голова*,
Цвети твоё здоровье!
Ты наши выслушай слова
И подпиши условие:

Ты, яко первый тела член,
Будь нам питья примером:
Теперь с тобой контракт свершен;
Не смей быть лицемером!

Хор

Теперь с тобой контракт свершен;
Не смей быть лицемером!

А ты, почтенный наш,
Ты мудрый наш поитель!
Будь весел духом и здоров,
И будь нам предводитель!

Хор

И будь нам предводитель!

А ты, любезный наш Иван,
Хоть пуншу пить не любишь;
Но дай тебе вина стакан,
Ты пить усердно будешь.

Всегда ты эдак поступай:
Ты слава всех Иванов!
Скорее, Дмитрий, наливай...
Здорово, Т.....

Друзья, кто можешь позабыть
Почтенна М.....,
Так должен тот приноровить
Себе сии два слова.

Извольте слушать, вот оне:
Кто здравье пить его не будет,
Так тот привержен сатане
И добрых тот не любит!

Хор

Певец, слова твои напрасны,
Мы выпить в честь его согласны.

Теперь пришла чреда твоя,
Полковник храбрый,
Ты жить не хочешь для себя;
Не любишь барских вздоров.

Твоё здоровье залпом пьём:
Живи на многи лета!
Тебе в честь песни мы поем,
Живи твоя

Хор

Твоё здоровье залпом пьём:
Живи на многи лета! и проч.

А ты, приятный наш Андрей,
Когда играешь на кларнете,
Услада ты компании всей!
И всё тебе пустое в свете!

Хор

И всё ему пустое в свете!

Твоё здоровье выпьем мы,
Ударим руку в руку;
Весёлы изострим умы,
И выдумаем штуку!

А ты веселья сын и штук!
В..... наш,
Прямой ты Демокритов внук,
Собраний наших гений!

Всяк выпить в честь твою готов,
Всегда такой лишь буди —
На что калякать много слов:
Здоровы добры люди!

Друзья, ещё покал винца*
Мы выпьем за здоровье
За С..... хитреца,
И вот ему присловье.

Тебя мы производим в чин:
Ты виночерпцем украшайся!
Отнюдь не смей иметь личин,
И пьяным быть не притворяйся!

Хор

А в ноги нүжды нет, валяйся!

Ещё другой Иван здесь есть,
Он пляшет, огороды,
Как я, он мастер рифмы плесть —
Так выпьем-те, народы!

Ещё и третий есть Иван
М..... Я.....,
Мы выпьем в честь его стакан!
И в честь твою, К.....

А ты, К..... Ф.....,
Ты, право, нас послушай.
Забудь дела; всё в мире вздор,
Вино с охотой кушай.

Чья наружность хороша
(Старинное присловье),
Так у того добра душа:
Мы пьем твое здоровье!

Теперь конец моим словам;
Не зрю вина кончину,
Почтенные, позвольте вам,
Хоть рюмки половину

Налить пенистого винца;
А мне надеждой льститься,
Что каждый выпить в честь певца
Полрюмки, верно, согласится?

Хор

Не только полрюмки, согласны покар,
За здравье пиита, чтоб Дмитрий нам дал.

Певец

Эдакой я чести, ей, не ожидал!

Теперь мы выпьем за царя...

Хор

Сие бы прежде надлежало.

Не беспокойтесь, друзья,
Чинов у пьяных не бывало.

Итак, мы выпьем за царя
Российския державы;
К нему любовь горя,
Возьмём-те праздничны покарлы!

Хор

Итак, мы выпьем за царя
Российския державы!
К нему любовью горя,
Возьмём-те праздничны покалы!

Ребята, славно – ну опять.
Берите по покалу, други,
Велите *Дмитрию* давать
За здравье царския супруги!

Ещё нам выпить надлежит,
Иль учиним злодейство!
Изволь-ка, *Дмитрий*, нам налить
Полнее за царя семейство!*

Теперь мы выпьем за того,
Кого,
Кто любит более всего!

Вот я – я выпью за!
Я пьян и – признаюсь,
Что я люблю девчонку эту.
Да только толку не добьюсь!

Друзья, до сих мы пили пор
За здравье *многих* без натяжки;
Теперь составим винный хор,
Возьмём стаканы, рюмки, фляжки!

Пусть с визгом всяк в стекло бренчит;
Пусть будет *милый беспорядок!*
Пусть всяк, что хочет, то творит,
Тогда погладит Вакх ребяток!

(ХД № 6).

К ...

(При поднесении ей для прочтения романа «Эвелина»¹³)

Позвольте поднести роман вам «Эвелину»*,
В котором ни пещер, ни манускриптов нет.
Вы в нём увидите картину,
Вступающей девицы в свет.
Какая девушка прекрасна!
С какою доброю и ангельской душой!..
Начто терять слова напрасно.
Не лучше ль выразить одной
Её достоинства строкой?
Сия девица – образ твой!

(ХД № 1).

¹³ Сочинение мисс Берни.

Билетцы

1

Доколе фрак был нов – дотолё надевал.
Доколь была мила – дотолё обожал!

2

Ты думаешь и впрямь, что я тебя любила?
Твой болен кошелёк, и я – тебя забыла.

3

Не кляни мою измену,
Люди любят перемену.

(ХД № 1).

Триолет

Я мнил: «влюбиться невозможно»,
Пока Алины не видал.
Теперь же чувствую, что ложно
Я мнил «влюбиться невозможно».
Влюбиться очень – очень можно,
Когда Алину кто узнал!
Я мнил: «влюбиться невозможно»,
Пока Алины не видал!

(ХД № 1).

Довольный

Кончились мои желанья!
Умерла моя жена,
Сорок бочек есть вина,
Есть красоточка Маланья, –
Кончились мои желанья!

(ХД № 1).

Хор поэтов

(в первый день Нового Года)

Наша братья, восхищайтесь!
Восхищайтесь – Новый Год!
Работать приготовляйтесь,
Чтоб настачить сотню од.

—

Этот день для нас важнее,
Нежель ярмарка купцам.
Мы бываем веселее,
Хабара большая нам!

(ХД № 1).

Несчастье и несчастье

Несчастье большое,
Когда есть аппетит,
Да не за что купить.
Но тот несчастлив вдвое,
Имеет кто чем жить,
Да брюхо не варит.

(ХД № 2).

В альбом А. И. М.

Вы дали мне альбом,
Чтоб написать в нём строчку;
Я к вам почтением влеком,
Одну поставлю *точку*.

(ХД № 2).

В альбом

Что написать в альбом Лизете?
Её милее нет на свете!

(ХД № 2).

К Простеньке

Напрасно, Простенька, имеешь ты сомненье,
Что я престал любить!
Ах! Нет, любви моей ничто не охладит.
Я буду век любить, мой друг, – твоё имянье!

(ХД № 2).

К С.

Чтоб удивить, Рафаил, свет,
Спиши ты с С..... портрет.

(ХД №4).

К портрету Обер-Обдиралова

С лица никак нельзя иметь догадки,
Как мастерски берёт он взятки.

(ХД № 4).

**Вірші Василя Масловича, написані ним від імені
такого собі «Русского Солдата»**

К меновщикам на столах

Насмешники, начто публично, средь базара,
Вы перья с дёнгами кладёте в знак товара?!

(ХД № 4).

Послание Марса к Аполлону

В Олимпе мой содруг почтенный,
Возлюбленный о Зевсе брат!*
Сойди с горы своей священной,
И мне позволь себя обнять.
Ты бог наук – а я бог брани,
Ты краснослов – а я солдат,
В твоих руках перо – а у меня
Меч в длани; –

Но, несмотря на то, мы всё родня с тобой.
Хотя ты с музами беседуешь спокойно,
Когда я в ночь не сплю, а днём пускаюсь в бой;
Но честь тебе воздать достойно,
И лавр твой – знает Зевс – не лучше ль моего? –
Довольно уж того
(И мне не стыдно в том признаться),
Что без сынов твоих не мог бы я сражаться.
Да кстати! Вот один,
Брадатый Эскулап, твой сын,

И на квартирах и на службе
Всегда, по старой нашей дружбе,
Старается мне помогать;
Однак, чтоб слишком не солгать,
Признаюсь, многие как Эскулап одеты,
Но сомневаюсь, законные ль все дети?
Оставляя всё – с тех пор, как мы в последний раз,
Расстались с тобой, – когда всемогущий глас
Судьбы созвал богов, чтобы они в совете
Решили участь двух великих царств на свете,
Кто должен пасть: иль росс, иль дерзновенный галл:
На русской стороне Юпитер первый стал
И россу гром отдал.
Минерва близ царя воссела на престоле,
Чтоб нивы утучнить пошла
Церера в поле,
Нептун же обещал, со стороны своей,
Бережь *российских кораблей*,
Подрядчиком быть Бахус взялся,
А ты – пошёл героев петь,
Я в службу к русским записался;
Но знаешь ты, и знает свет,
Что мы давно с Венерой в дружбе;
Ей захотелось тож служить в российской службе,
Итак, решилася разумножать народ,
А после мне моргнула
И на ушко шепнула,
Что если русские герои через год
С победою назад *здоровы* возвратятся,
Красавицы для них десятками рождаются.
Ревнивый и хромой Вулкан, её супруг,

Который был всегда сарматам верный друг,*
Увидя, что они держались Корсиканца,*
Оставивши родных, избрали иностранца,
Решился галлам помогать; –
Но пробудился вдруг сармат,
Восстал! – геройску вспомнил славу,
От коей имена произошли славян,
Обнял, как братьев, россиян.

Тогда Вулкан, что нас терпеть не мог дотоле,
Нам стрелы стал ковать, хотя и поневоле.
Но думаешь, что нас оставили Купидон?
Нет, – много помогал нам на квартирах он!
Юнона гордая, – та стала повитухой;
Цибелла, будучи старухой,
Зарок дала молебны петь,
Чтоб русский мог успех иметь.
Эрмий курьером подрядился;
Один Плутон тогда стыдился,
Что русским он ещё ничем не услужил;
Однак, подумавши, тряхнул седой главою,
Сказал; не шутят ведь с войною!
И Елисейские пошире растворил.*

Увы, старик наш не ошибся
И, кажется, из всех нам больше прислужился!
Теперь, когда богов собор
Для службы россиян оставили свой двор,
Одна безумная, кровавая Беллона
Восстала за Наполеона. –
Известен всем конец войны,
И многие твои сыны
Воспели гимн царю и храброму народу,

На память вечную предбудущему роду.
А мне, признаться в том, войны наскучил гром:
 За морем хорошо, а всё милее дом,
 И я пришёл теперь на зимние квартиры
 Твоей послушать сладкой лиры.
Обнимемся, мой брат! – Ты тих, сидишь в дому,
 Но худо без тебя мне в поле одному:
 Не мужество одно, не мощные лишь руки,
 К победе более способствуют науки.
 Мой брат! – Ты в сей спокойный час
 Приготовляй к победам нас;
Заменим, между тем, войну, венцы кровавы,
На мирты, на любовь, на братские забавы –
 Известен всем давно с Венерой мой союз,
 Но к грациям пришли в компанию и муз.

(ХД № 4).

Свидание Марса с Венерою

Из походов трудных – дальних
Возвращался бог войны,
Сердце билось в герое, –
О Венере думал он:
«Скоро ль я в Олимп приеду? –
Скоро ли увижу ту,
С кем, бывало, в час покоя
Гром войны я забывал?
(Хоть украдкой от Вулкана,
Тем счастливее я был!)
В дальних я землях походом
Был и видел красоты,
Но те красоты земные,
А то мать любви – красот».
Так герой в пути мечтает –
Конь летит под ним стрелой,
Всадник бодцем подстрекает.*
Вот приехал уж домой.
Марс от радости трепещет,
С потного вскочил коня,
Всходит скорыми шагами
На широкое крыльцо:
Он в палату входит Зевса,
Где собрание богов,
И к престолу громовержца
Смело подступя – отдал
Первое почтенье Зевсу –
По поклону всем богам. –
Ищет взорами Венеру:

«Где богиня красоты?
Где предмет моих желаний?
Где утех и счастья край?»
Тут Эрмий с лукавым взглядом,
Покачавши головой,
Показал ему Венеру. —
Мартс поспешно подскочил,
Но — увидевши старуху —
Бог войны остолбенел,
Ахнул громко — рот разинул —
Три шага ступил назад. —
Все богини засмеялись,
Боги начали чихать —
Сам Юпитер усмехнулся
И герою так сказал:
«Что с тобой за перемена?
Неужели средь войны
Трепетал ты так от страха?» —
«О, Юпитер! Пощади
От насмешек в час ужасный, —
Мартс, стеная, отвечал, —
С адом лучше мне сразиться,
Чем увидеть, что теперь. —
То, что было ангел света,
Что ты сделалась теперь!» —
Тут Венера, взявшись в боки,
Подступила, искривясь:
«Что за дерзость? — закричала, —
Что ты смеешь говорить? —
Та ль награда за утехы,
Что со мною ты вкушал? —

Если б я и постарела,
Разве ты помолодел?» —
«О, Венера! (если можно
Так тебя ещё назвать)
Я ведь воин — я мужчина:
Как же можно укорить,
Что белизны и румянца
Нет на Марсовом лице? —
Если б мудрая Минерва
Похудела от трудов,
Если б добрая Церера
Загорела от жаров,
Если б гордая Юнона,
Презря красоту лица,
В чувствах царских и высоких
Находила красоты;
Мудрость — пользу почитая,
Я колена б преклонил,
И любви утратя сладость,
Меньше бы несчастлив был.
У тебя ж, скажи бесстрастно,
Что осталось теперь?» —
«Ах, злодей! — тебе ль так смело
Предо мною говорить? —
Боги! — Знаете вы сами —
Как обидел он меня:
Вас, когда судьба велела
Марсу россов защищать,
Сей изменник — ночью смело,
Даже граций не спросясь,
В терем мой пришёл тихонько:

(Я в слезах тогда была)
Тихим шагом и печальным
Он подходит ко одру, –
Голосом умильным, страстным
Он прощается со мной. –
Что он говорил – не помню –
Но – о, Боги, в этот миг
Что я чувствовала в сердце?!
Жалость – стыд – любовь – боязнь.
Я забылась... и, в минуту,
Пояс мой украл злодей,
Пояс тот, что был причиной,
Что Парис и в наготе
Предпочёл меня богиням
Мудрости и горних мест. –
Нет сил боле – вы судите,
Что без пояса краса?..
Если правда есть в Олимпе,
Пусть злодей сей приметь казнь! –
С тех пор вяну и старею;
О! – почто бессмертна я?
Смерть не лучше ль для Венеры,
Чем с морщинами лицо?»
Боги – даже и богини
Сжалились тогда над ней.
«Что ты скажешь?» – грозным тоном
Марса Юпитёр спросил.
«Я – не знаю – и – не вижу
Никакой обиды в сем:
Разлучаясь надолго,
Пояс я на память взял». –

«А! – на память – ну! – так помни ж
И возьми её к себе, –
Уж Вулкан ревнив не будет,
Ведь она нехороша».
Тут Вулкан, хромою ногою
Шаркнув, Зевсу отдал честь:
«Правда, Бог-отец, нимало
Не противлюсь я тому,
И от всех претензий правных
Откажуся навсегда!»
Вдруг Минерва светлым оком
Обозрела всех богов: –
«Все ль согласны?» – «Все согласны!» –
«Я покров ей отдаю». –
«Как? – Что? – Где? – Кому? – Откуда?
Пояс вечной красоты?» –
«Да! – Минерва отвечала, –
Я для ней другой соткала,
Чтобы первый заменить».

(ХД № 4).

Разговор приезжего с жителем

Приезжий. – Здесь мрут десятками – что это за причина?

Житель. – Не знаешь ты причины сей?
Какой ты простачина! –
Ведь с войском прибыло немало лекарей.

(ХД № 4).

Нельзя без предисловия

Что пасквили писать и подло и бесчестно,
То всякому известно.
Когда закон гласит,
Что личность неприкосновенна,
Чья рука толь дерзновенна,
Чтобы закон сей преступить? –
Напротив, искони позволено в сатире,
Смеша честных людей, осмеивать порок
И всё, что глупого ни есть в подлунном мире,
В забаву для одних, а для других в урок.
В ней личность каждого и имя безопасны:
Гордец, скупой, подлец и плут
Сердиться могут ли, когда точь-в-точь найдут,
Что все поступки их с сатирою согласны?
Да если бы никто из авторов не смел
Описывать того, что делается в свете,
То должно б на ковре (как в сказках) самолете
Отыскивать предмет за тридевять земель.
Не с притязания, чтоб быть в числе поэтов,
Я взялся за перо – ох! нет – избави Бог! –
Тогда бы худшего из всех земных предметов
Я выбрать для себя не мог.
Благодаря судьбу, кусок имею хлеба,
Начто же мне тащить насильно музу с неба?
Писателей плохих и так довольно есть,
Умножить их число велика ль будет честь?

Но только и себе, и вам, друзья, в утеху
Сатиру напишу я на себя для смеху:

(ХД № 5).

Лекарь сам к себе

Итак – вот с лишком тридцать лет,
Как злая мачеха – природа
Меня, несчастного уroda
Пустила в белый свет.
Зачем? – того не понимаю –
Но только твёрдо знаю,
Что Сидор, Карп, Илья,
И грешный *Савва*, сиречь я,
Все вышли из живой утробы,
А после, рад или не рад,
Нас всех положат в гробы,
И кончится тем маскарад.
Но в этом маскараде,
Бог знает почему,
К несчастью моему,
Я, кажется, всегда в дурацком был наряде.
Как так?
Вот как:
Покойной мой отец, для вечной нам обиды,
Один из всей родни взялся петь панихиды,
И сам раскаялся, хоть поздно, наконец.
Но удивляйтесь судьбы моей капризам:
Быв от рождения врагом священным ризам,
Я твёрдо положил пуститься братьям вслед,
Которые давно на поле чести смело
Взялись за рыцарское дело
(Чем занимались и прадед мой, и дед).
Но замыслам моим и рыцарству в награду,
Не сам ли чёрт отдал меня à la Санградо.* –

И, вместо шпаги дав ланцет,
Велел опустошать весь свет.
Ах, лучше б я служил обедни,
Страдали б меньше люди бедны!
Бесспорно – славен Гиипократ,
И медицина также в моде,
Когда *излишество* в народе;
Но ах! – я чувствую, что лекарь смерти брат:
И тот, и та, как будто спором,
Чтобы друг другу угодить,
Спешат свет белый пустошить
Лекарствами и мором.
Что против них война? – Пустой ученичѣшка:
Я смело ставлю сто противу одного,
Что сотня гренадер не сделает того,
Что сделает один цирюльник исподтѣшка.
Что ж я? Когда герой убийством только славен,
То я *Наполеону равен*.
Я лекарь – вправе я себя и побранить;
Вишь, можно про себя что хочешь говорить!
Любезные мои товарищи, простите,
Что правду говорю – иначе научите,
Как лгать: к моей беде,
Я правду говорить привык всем и везде.

(ХД № 5),

Пролаз

Пролаз наш говорит: «За что меня бранят?

Я, кажется, живу, как все честные люди,

А жалуют меня насильно в лизоблюды.

Да пусть они себе хоть треснут, говорят,

А я на весь их вздор скажу в ответ *формально*,

Что исполнять хочу всегда и *пунктуально*

Долг подчинённого. В передней постоять,

Великая беда! – ведь ног не занимать.

Сказать ласкательство, хоть подлое, кто старше,

Не худо, брат, за то и сам пойдёшь подальше!

Пусть врут, что так живут одни лишь подлецы!

Ох, благородные, честные храбрецы!

Вы ждёте за труды наград царя и неба,

А мы, и ползая, найдём кусочек хлеба.

Нас презирают все: великая беда!

Лишь было б совести поменьше, да стыда!

Всё честь да честь – пустяк – лет, может быть, за двести

Держались совестно невежды ложной чести;

А в наши времена, не поживя с умом,

Достанется просить насущный под окном.

Да что и говорить; весь свет примеров полон,

Как нам, честным глупцам, хлеб достаётся солон.

«Но вы, – дескать, – вредить стараетесь другим».

Что ж нужды? Лишь была б нам польза в том самом;

Всяк ближе сам к себе – у нас такая вера.

Как в свете жить, скажу ещё вам для примера:

Подслушать – подсмотреть – великий будто грех?

Зато, когда придёт с начальником до слова,

Сказать о ком словцо материя готова.

Вот скучно: не всегда случается успех!
Ведь и начальники не век на ухо слабы;
Иной, весь честью какою-то набит,
Да истину любя, с досадой закричит:
«Пойдите вон, сударь, ведь сплетни любят бабы!»
Тогда тишком-молчком – подавшись за дверь,
В сторонку уклонись – начальник ведь не зверь –
Посердится день, два, а после и забудет.
Нет! Правду всю сказать, что было, то не будет:
Бывало, что взбредёт начальнику наврѣшь,
Достойнее себя чернишь – не ставит в грош,
Всё с рук шло, – а теперь пришли дни несчастливы,
Начальники у нас некстати справедливы,
Хотят всё сами знать – всем сами управлять;
Что ж брату нашему достанется сказать?
Рассказов не хотят, а с клеветой не суйся:
Придётся быть честным и вправду, как ни дуйся».

(ХД № 5).

Разговор при погребении

Солдат: Что значит сей обряд? –

Учёный: Тщеславие живых, – ничтожество во гробе.

Солдат: А чёрный сей наряд? –

Учёный: Да не к лицу ли он прекрасной сей особе?

(ХД № 5).

**Надпись к портрету, в котором подлинник сам себя
узнает**

В фигуре, гордостью надутой,
Небрежно набок изогнутой,
Самим собой довольный вид,
И молча будто говорит:
«Смотрите – как я всем опасен:
Красавицы, я мил, прекрасен,
Мужчины, я умён и горд:
Кто смеет стать со мной à bord?!»*

(ХД № 5).

**Вірші, написані ймовірно Василем Масловичем, але
приписані ним іншим авторам**

Эпиграмма Харьковскому Демокриту

Для друга тайны нет, ему душа открыта,
Вот дружеский совет, как время сокращать:
Советую тебе журналы все читать,
Не тронь лишь Демокрита.

(ХД № 2).

Комплимент Харьковскому Демокриту

Явился новый Демокрит,
Который прежнему* ни в чём не уступает
И также чудеса творит:
Тот сон производил, а этот сна лишает.¹⁴

(ХД № 2).

¹⁴ Издатель замечает господину, написавшему так хорошо эпиграмму на «Харьковского Демокрита», и господину, польстившему столь тонко «Харьковскому Демокриту», что ежели бы вздумали бы они присылать свои пиесы в Журнал его, то «Харьковский Демокрит» взял бы верх над всеми подобными изданиями.

К Вертеру

Тебе подобно я страдаю,
О, бедный Вертер,* от любви,
Тебе подобно ощущаю
Я пламень гибельный в крови!

Ты мучился – и я страдаю;
Ты скучен был – и я грущу;
Ты слёзы лил – и я рыдаю,
Как ты, пустынных мест ищу.

Жестокий Гимен* разделяет
Шарлоту нежную с тобой,
Богатство, знатность разлучает
Мою любезную со мной!

○○

(ХД № 3).

Акростих

Как роза нежная, весеннею порою,
Алея, взор к приятностям манит,
Так Хлоя милая, своею красотою,
Являясь, всех сердца любовью пламенит!

○○

(ХД № 3).

Г. Квитке в ответ на его «Не хочу»

Квитка, хочешь удивиться?
Слушай! – право не шучу:
Коль желаешь ты жениться,
За тебя идти *хочу*.

Ты меня совсем не знаешь:
Что тут н^ужды? – не беда.
Через год меня спознаешь;
В свете так живут всегда.

Брак ведь *польскому* подобен:*
Кто попался – с тем иди.
Коль не ловок, не угоден –
Вот отхлопнуть... погоди!

Замуж я давно желаю;
Мне тридцатая весна,
Не в дурных себя считаю,
Зубы все, лицом красна.

Стройный стан и рост годится,
Волос долог – тёмно-рус,
Я умею нарядиться,
К лицу шалью завернусь.

По-немецки разумею,
En français je parle tres-bien,*
Я в компании не немею,
Петь готова целый день.

Есть *бурмицкого* две нитки,*
Фермуар – и *перстенёк*,
Но зато уж ни *кибитки*:
Всё прибрал к себе зятёк.

Есть *бородок* сотня с лишком,*
Денжуры лишь *тридцать пять*.
Деревенька есть с домишком:
Славно можно поживать.

Лишь во сне я молчалива
И скромна, тиха, добра,
Но проснусь – беда: – бранчива,
Целый день шумлю с утра.

Стало, я во всём как должно,
И невеста хоть куда!
Одного лишь скрыть не можно...
Да не очень и беда:

Коль женой твоею буду,
Не взыщи, мой друг, на мне:
Уж *старинки* не забуду,
Коль отхлопнуть, так... Adieu!*

Вот условие – ну! решайся!
И серьёзно – не шучу.
Опиши себя, не тайся;
Верно вскрикнем мы: «Хочу!»^{15*}

*А.....на
(Не в Слободской губернии).*

(ХД № 3).

Каламбур

Люблю я знать,
Да не всегда,
А иногда
И знать,
Не дай Бог *знать!**

.....

(ХД № 3).

¹⁵ Издатель (поблагодаря прежде откровенную незнакомку за доставление сей пиесы), смеет уверить её, что господин Квитка верно не будет так неучтив, чтобы отринул её просьбу.

На просьбу написать песню на *снурок*

Слышал я, что ты всех просишь,
На *снурок* чтоб написать;*
Но *снурков* ты много носишь,
Я не знаю, как начать.

Коль *снурок* ты получаешь
От невинных красы,
От которой ты страдаешь;
Вздёрни ты его в часы.

От старухи коль *снурочек*
Получил, любезный мой,
Завяжи им вороточек
И платком его закрой.

Если от купчихи тучной
Есть *снурочек*: всем кажи:
«В знак любви благополучной»,
В тросточку *снурок* вяжи.

Если ж ты прельстил кокетку,
И от ней имеешь *снур*,
Из *снурочка* сделай сетку,
Чтоб увязнул в ней Амур!

—

Коль от вздохов нет награды,
Презри мира суеты,
Прекрати снурком досады:
На любом повесься ты!

С... М....на

(ХД № 4)

...

Ты мне твердишь, что Бог всё к *лучшему* здесь строит:
Уверен в мненьи я таком,
Но что ж тут *лучшего* и Бог и свет находит,
Тебя создавши дураком?

.....ий.

(ХД № 5).

...

Стара, в морщинах, зла, седа,
Ах, можно ли в тебя влюбиться!
Что день, то новая беда,
И зуб за зубом всё валится.
Напрасно тщишься ты рядиться:
Куда тебе плясать, мой свет!
Ах! – лучше постригись* – но нет –
Зачем: чертей она в обитель принесет?..

○

(ХД № 5).

В день ангела К.

Что б подарить на именины
Моей любезной К.....?
Я долго думал и не знал.
Как вдруг мне Аполлон предстал,
Предстал и – громко засмеялся:
«Чего, бедняжка, так смешался?
Нельзя ль причину мне открыть? –
Мне Феб так начал говорить. –
Иль начудесил на Парнасе?
Или ушибся на Пегасе?
Иль нет пера, или чернил,
Или давно воды не пил,
Воды кастальской, чистой, ясной...
Оставь сей важный вид ужасный,
Заботу мне свою открой». –
«О бог парнасский, удостой
Ты выслушать мою заботу,
Тогда оставишь ты охоту
Шутить, осмеивать меня, –
Ответствовал ему так я. –
Ты знаешь, что моя сестрица...» –
«Лилèя эта круглолица?» –
Так бог парнасский перервал.
«Она, она, – я отвечал: –
Её сегодня именины;
Так видишь, я не без причины
Предался мыслям и смущен;
Тебе известно, в этот день,
Подарок должно ей поднести,

А что у нашей братьи есть?
Ни лент, цепочек, ни супира».* —
«Но у тебя зато есть лира, —
На это Аполлон вскричал, —
И ты давно бы написал
На этот случай длинну оду,
Вверх дном поставил бы природу,
Заставил в ней бы всех плясать,
Заставил в ней бы всех кричать:
"О, день, толико вожделенный!
О, день, сугубо драгоценный!
О, день, бесчисленных утех!"» —
«Оставь, Феб, колкий этот смех!
А лучше дай мне наставленье,
Как описать души движенье,
Какое чувствую в сей час!
Что должен я просить у вас
Моей любезной К.....,
Какой должна она судьбины
От вас, о боги, ожидать?»
Мне Феб так начал отвечать:
«Проси лишь только парку люту,*
Чтоб отдалила ту минуту,
В котору должно нить пресечь,
Сестре в сырую землю лечь.
Сестра твоя добра, скромна,
Мила, приятна и умна, —
Нам нечего дать ей уж боле,
Признаться, и не в нашей воле».

Сказав сие, Феб скоро скрылся,
И я о К... – помолился!

○

(ХД № 5).

Байки

Дуб и Свинья

И свиньи не всегда так хрюкают, как свиньи,
А говорят они подчас и по-латыни!

Легко я это докажу,
Коль анекдот один про свинью расскажу:
Свинья задумала однажды проходиться,
И прямо в лес идёт,
И думает: авось ей там случится
Наполнить свой живот.

И не напрасно так хавронья полагала,
Лишь только в лес она вошла,
Под дубом жёлуди нашла,
И с аппетитом кушать стала.

Досадно дубу, что его
Свинья плод славный пожирает,
А благодарности не знает.

«Не стоишь ты вниманья моего, —
Так, наконец, он к ней вещает: —

О, грубая и глупая свинья,
Ты милостей моих ничуть не понимаешь.
За вкусный плод, который ты съедаешь,

Не смотришь даже на меня». —
«Я б вашей преподобной чести, —

Так говорит свинья в ответ: —
Отвесила поклонов двести

За вкусный ваш обед,

Когда бы ведала я точно,
Что вы бросаете мне жёлуди нарочно».

(ХД № 1).

Книгопродавец и Слон

Зашёл Слон мудрый в книжну лавку.
Зачем? – Не книги ли читать...
Когда не верите, извольте сделать справку,
Из Бори, Плиния, вы можете узнать,*
Сколь в древности слоны учёны были:
Они по-гречески читали-говорили,
И славились большим умом!
Насчёт слонова просвещенья
Во мне нимало нет сомненья –
И в наши времена французским языком
Премножество зверей болтают,
И хорошо язык французский понимают.
Сороки, галки и грачи,
Легазы, мопсы и борзые,
И попугаи толкачи,
Фидельки, шавки и другие –
Изволят так язык французский понимать,
Что, думаю, навряд,
С зверьками сими сговорят
И наши барыни иные!
Зачем же сомневаться нам,
На Плиния не полагаться,
Что мудрым будто бы слонам
По-гречески не можно было изъясняться?
Насчёт учёности Слона
Когда читатель мой уверен,
Я басню продолжать намерен,
И вот она:
Слон «Описание животных» отыскавши,

И со вниманьем прочитавши,
Сначала долго хохотал,
Потом так книжнику сказал:
«Лишь человек, "краса вселенной",
По утверждению писателя сего
Умом один лишь одаренный –
А в прочих звèрях нет его!
Но если вникнем в сочиненье,
Как сочинитель судит в нём,
То можно сделать заключенье
Пренеошибочное в том,
Что автор сам, ниже умом,
Ниже инстинктом управлялся,*
Которым нас он всех дарит,
И можно ль, чтобы тот сам не заблуждался,
И мог бы начертить
Всех тварей свойства справедливо,
Кто собственну свою натуру знает лживо?
Смотрите, как он описал
Постельную собачку ложно.
Ах, сколько при дворах ей поучиться должно:
Далёко от дворов собачий род отстал!
А хитростям лисы кто станет удивляться!
Ну может ли она с приказными равняться?
Она перед крючком*
Осёл ослом.
Льва, тигра, леопарда, волка,
За кровожадность все клянут,
И тут,
У автора не много толка.
Как будто люди меж собой

Живут душой одной!
Добычею друг другу не бывают?
Подобно им, они друг друга умерщвляют».

Хозяин книг от этих слов
Пришёл в такое умиление –
Он пред Слоном был пасть готов.
Чтоб изъявить ему почтение,
Он скинул шляпу, к мудрецу
С улыбкой ангела подходит
И разговор такой заводит,
Какой приличен лишь купцу:
«Ах, государь милостивейший!
Уж как меня ты одолжил,
Когда бы *комментарий* злейший
На *что-нибудь* ты сочинил,
Или из греческой книжонки
Нельзя ли *что-нибудь* издать?
Я б вам хороши дал деньжонки,
Отнюдь не стал бы прижимать».

В насмешку Слон книгопродавцу
Наморщил длинный хобот свой,
Так отвечал сему мерзавцу:
«Мне нету нүжды никакой
В твоих деньгах, приятель мой!
Храни их для себя, да лучше будь умнее.
Пусть люди на людей свой изливают яд,
В них зависть действует сильнее,
Чем ожидание наград».

(ХД № 1).

Ворона и Овца

Ворона на спину Овечке села,
Обыкновенну песнь: «Кра-кра», – она запела.
Терпенье потеряв, Овца,
Вороне, наконец, сказала два словца:
«Ворона, ты бы сесть на Пса не смела». –
«Конечно, нет, –
Вороны был ответ. –
Мне стыдно было бы на старости учиться,
Как с слабым надобно и с сильным обходиться».

(ХД № 2).

Конь барский и Кляча

Увидя барский Конь Клячонку за сохою,
Запрыгал и заржал, кивая головою.
Потом, приняв надменный вид,
Пред Клячей стал бодриться
И начал говорить:
«Клячонка, можешь ли ты эдак умудриться,
Чтобы подобно мне так ловко танцевать?» —
«Молчи и не мешай пахать, —
смиренно Кляча отвечала. —
Не будь на свете нас,
Тогда у вас
Охота бы плясать пропала».

Ах, сколько и меж нас боярских есть коней,
Что взыскивают всё с подвластных им — людей,
Гордятся перед ними,
А только и живут крестьянами своими.

(ХД № 2).

Ястреб и Птицелов

За Голубем однажды Ястреб гнался;
Но Голубь улетел, – а он в силки попался.
«О, пощади меня! – так Ястреб закричал,
Когда увидел Птицелова. –
Я никогда тебе не причинял худого». –
«И Голубь никогда тебя не обижал», –
Охотник отвечал злодею,
И после оторвал ему достойно шею.

(ХД № 2).

Ода на мир Европы, превращённая в баснь

16

Тут поздно бедный волк заметил,
Что чересчур перемудрил.
*Лом.**

Оставим, муза, басни, сказки,
Отложим дудку и гудок;
Попросим-ка у Феба ласки
И купим лиру на часок,
Кленовую, не дорогую:
Где денег взять на золотую?
Нет, золотая не по нас;
Она громка, с ней бед настроишь,
Кого-нибудь обеспокоишь!
Тогда толчка нам даст Парнас.

□

Притом же, ежели случится
И худо на простой сыграть,
Никто со мной не побранится,
Все скажут: «Он не виноват:
Не можно ждать приятна тона
От лиры, сделанной из клёна».
А ежели ж удастся нам
Сыграть хотя немножко плавно,
Все скажут: «Славно, славно, славно»;
Тогда честь нашим головам.

¹⁶ Напечатана в первый раз в начале 1815 года.

Итак, ты, муза, потрудишься,
Воды кастальской принеси, –
Пред Фебово лице явися,
Благословенья попроси.
А я пойду за лирой в лавку,
Двух мальчиков: Филиппку, Савку,*
Стремглав я к Рифмину пошлю.
Быть может, рифм словарь исправный
Уже окончил Рифмин славный:
Так я себе его куплю.

Я здесь всем нужным запасуся,
Достану перьев и чернил,
В свой тёмный погреб опускаю
И принесу вина бутылъ.
Чтоб вкус кастальской пременился,
В напиток резвый превратился,
Смешаю воду я с вином,
И выпив всё – уж то-то оду
В честь брякну русскому народу:
Ей, не ударю в грязь лицом!

Уж принесла воды мне муза,
А я давно вина принёс:
Смешаем, выпьем и – француза
Пускай колотит храбрый росс.
Скорее строй мне, муза, лиру,
Чтобы воспеть мир, данный миру...
«Как, как? – Ты хочешь мир воспеть? –
Так муза мне в ответ сказала –
И в изумленьи продолжала: –
В тебе ума, конечно, нет.

Тебе ли мир сей славословить,
Тебе ли, с чадной головой,
Когда исторья не находит,
Кому бы труд вручить такой?
Тебе ль – (о дерзостно желанье!) –
Тебе ль воспеть сие деянье?
Когда и творческим умам
Дано сему лишь удивляться,
То как же за сие приняться
Тебе подобным головам?..

Смотри: Державин, Горчаковы
И Дмитриев и Карамзин,
Капнист, Жуковский, Мерзляковы;*
Все, все молчат; – и ни один

На лире мира не бряцает;
То как смешно, когда желает
Его Маслович жалкий петть!
Не будь в намереньи сем твёрдым,
Не мучь ушей ты людям добрым,
Над одой перестань потеть!»

Изволишь правду, муза, баить;
Хотя за лиру денег жаль,
Но чтоб себя не обесславить,
Не лучше ль бросить эту шаль?* –
Примуся лучше я за дудку
И вместо грозной оды – в шутку
Я людям басенку скажу.
Я речью убеждён твоею,
Расставшись с лирою моею,
Тебе послушность окажу.

Итак, читатели почтенны,
Я оставляю лирный тон;
Когда вы им не утомленны,
Скажу вам басню про огонь.
Но чтобы гладко было, плавно,
Я буду наблюдать исправно

Мной в оде начатый размер.
Так баснь писать бы не годилось.
Но что же делать? Так случилось,
Переменить нельзя теперь.

Под старым, дряхлым черноклёном
В лесу забыт был огонёк:
Он чуть лишь тлел и с жалким стоном
Прервать собирался жизни ток.
Но ветер вздумал разыгаться,
Стал на кулачки с клёном драться:
Он деда сильно так тузил
В бока и рёбра, в грудь и рожу,
Что с черноклёна содрал кожу,
Да сук вдобавок отломил.

Сей сук, по счастью иль несчастью,
И вместе с кожей иль корой,
Стал лесу целому напастью.
Сей сук, для леса роковой,
На огонёк с корой свалился;
Огонь в минуту оживился,
Забыл, сутяга, умирать,
Он думал, как бы поскорее
Да разгораться посильнее
И дряхлый черноклён сожрать.

Уж черноклён несчастный пышет,
Трещит и выпускает дым;
Огонь мой глух – его не слышит,
Он, как бы, думает, к другим
Пожаловать деревьям в гости.
Вдруг начал прыгать в адской злости,
То тут, то там, то вон где, здесь:
Зажжёт то липу, ясень, лòзу,
То òльху, дуб иль вязь, берёзу...
Короче, жжёт он целый лес.

Тут дерзостям его препоны
Не находилось никакой,
Он сжёт деревьев миллионы!
И путь потом направил свой
На сёла, городки и грады,
Всё истребляя без пощады.
Ах, сколько птиц, скота, зверей
От пламени его пропало
И сколько чрез него не стало
Крестьян, мещан, дворян, князей!

Он в лютом буйстве всю вселенну
Хотел во пламень обратить,
Преобразить ее в геенну;
К реке он вздумал подступить.
«Смирись, река, – сказал надменно, –
Или погибнешь непременно;
Тебя по-свойски проучу,
Лишь только пасть мою разину,
Тебя расстрою, опрокину,
В ничтожество преобращу.

А если мне явишь покорность,
Наложись на себя ярем:
Во мне всегда найдёшь готовность
Пещись о счастья твоём». –
«Оставь, огонь, слова надуты,
Так говорят лишь только шуты,
Словам таким цены здесь нет,
Речей таких здесь не боятся,
От сердца станут им смеяться», –
Река сказала так в ответ.

Огонь с рекою тут связался,
Он так ужасно грел реку,
Так быстро на неё бросался,
Что сделал рану ей в боку.
Вступил в речные он пределы

И в сердце стал пускать ей стрелы.
Узнав соседи весть сию,
Вострепетавши, изумлялись –
И с малодушием сбирались
Запрячь в ярем главу свою.

Но были ль чудеса такие,
И кто, скажите мне, видал,
Чтобы глубокие, большие
И быстры реки огонь сжигал?
Река, скопивши воды чёрны,
И разделясь на многи волны,
Надув обширный свой хребет,
Мутит, шумит, ревёт, бунтует,
Валит – в огонь с презреньем плюет...
И что огонь? – Его уж нет!

Река наш Александр – отрада!
Но кто ж надменный сей огонь?
Несытое исчадьё ада,
Чудовище – Наполеон!
Который *Бонькою* зовётся,
На Эльбе мучится, трясётся,

Что не сгубил людской весь род,
Беснуется, не спит, скрежещет,
На всех косые взоры мечет...
Так наказует злых Господь!

(ХД № 3).

Голубь и Ворон

Мальчишка грязью на Голубя бросал
И перья белые ему он замарал.
Сие увидевши, сказал ему так Ворон,
Злой радости, восторга полон:
«Теперь ты, Голубок, как все вороны, чёрен!» –
«Но с тем различаем, – был Голубка ответ, –
Вы чёрны завсегда – умоюсь я, и – нет!»

—

Не добродетель ли нам Голубь представляет,
Которую марать злоречие желает?

(ХД № 3).

Волк в пастушьем наряде

Лишь только скрылся днѣвный свет,*

Задумал ужин Волк иметь:
В пастушьѣ платьѣ нарядился,
Широкой шляпою прикрылся,
Достал и посох, и свирель,
На лапы задни лапти вздел,
Повесил на плечо баклагу,
К овцѣм из лесу дал он тягу.
И что же? Вот уж он и там,
И, как прилично всем ворам,
На все сторонки озирался;
Узнав, что три собаки спят,
Пастух с пастушкой разоспался,
Он стадом мог распоряжать,
Так нет, ещё штукарить надо,
И чем овец бы глупых есть,
Он вздумал разговор завести,
Чтоб кой-что расспросить у стада.
Но только лишь разинул рот...
Как вдруг Буян, Разбой, Отлёт,
Проснулись и – схватили Волка:
В наряде он бежать не мог,
А между тем пастух Николка
Свалил его дубиной с ног!

К сей басенке – нравоученья
Я не намерен приложить.
У Ломоносова прощенья
Хочу пред всеми попросить:
Российский Пиндар Ломоносов!
Хвала и слава славных россов,
Великий, громкий наш певец,
Учитель наш и образец!
Прости, что смел я напроказить
И баснь прекрасную твою
Украсть и так обезобразить!
Прости провинность мне сию. –
Я баснь твою украл для счёту,
К моим одной недостаёт;
Своя мысль в голову нейдёт,
Хоть я довольно пролил поту, –
И после, выбившись из сил,
Осмелился – (смельчак!) решиться,
За баснь твою чтоб ухватиться...
Что в точности и учинил.

(ХД № 3).

Рифмач и Смерть

Один Рифмач имел квартиру у кладбища:
Он часто зрителем был славных похорон;
Такие зрелища всем рифмотворцам пища:
Есть случай поместить им в оде рёв и стон,

И рёва своего в замену,

Под случай получить хорошенькую цену;

Так как им бедным не реветь,

Коль могут выплакать они себе обед?

В обеденну однажды пору

Имел мой рифмоткач прекрасный аппетит,

Но хлеба нет куска и не за что купить!

Но вдруг является его внимательному взору

Умерша девушка богатого отца,

Которую, для радости певца,

Несли на кладбище – на гору.

Рифмач в восторге! – (будет сыт!)

Стремглав ко гробу он бежит.

Экспромтум слёзный произносит

И в нём Смерть люту так поносит:

«Цвела и – нет!

Вот жизнь и Смерть!

О Смерть! – лишь надо мной ты наругаться можешь,

Но и жены моей ты, ни детей не сгложешь –

Клянусь тебе, что я в сем мире не женюсь!» –

«Ты прав, я над женой твоей не посмеюсь:

Куда тебе жениться? –

Кто эдаким вралём прельстится? –

Так Смерть поэта прервала: –
Но над детьми – (хотя и не стараюсь) –
Твоими я давно ругаюсь!»
Детями она его творенья назвала.

(ХД № 3).

Саксонский мужик

Карл Готтфрид Роберт Ефраим:
Сии бы имена дать можно четверым,
Но так один мужик саксонский назывался;
Однажды с сыном и с женой,
В день праздничный – зимой,
Он басни Геллерта* читал и восхищался!
В иных он басенках смеялся,
В других же находил полезнейший урок;
Жене – чтобы иметь короче язычок,
Ребятам – матери, отцу повиноваться,
А для себя – в корысть и в скупость не вдаваться.
Вот как саксонски мужики
Воскресны дни проводят!
И, как москалик, в кабаки не ходят, –
Чтоб там буяннить, горло драть,
Своё здоровье потерять.

(ХД № 4).

Пчёлка

*(Из Глейма)**

Пчёлка маленька летала
Со цветочка на цветок,
И с жужжанием вбирала
В свой желудок сладкий сок.

«Пчёлка, ты неосторожна! –
Так Лизета говорит. –
Цвет сосать не всякий должно:
Яд в иных цветах сокрыт».

«Это я довольно знаю, –
Пчёлкин Лизе был ответ, –
Яд в цветах я оставляю,
А себе – беру лишь мед».

(ХД № 4)

Воззвание к коням одного Коня

«Друзья, товарищи, доколе
Носить вы будете ярем?!
Жить у разбойника в неволе,
И слушаться его во всем?
Неужли будут нас во веки
Постыдно угнетать жестоки человеки?» –
В конюшне барской так молодой ржал бодрый Конь:
К свободе лошадей хотел подвигнуть он.
«Забудем рабство мы, свободу вспомняем,
В дремучие леса, в просторны степи грянем,
И там по-прежнему, в блаженной тишине,
Как в век золотой, пастись одне,
И жить, как предки наши, будем!
Забудем хищников, тиранство их забудем!
Покажем свету мы достойнейший пример,
От власти варварской как должно освободиться!
Тогда, конечно, каждый зверь
Начнёт обороняться,
И вольность древню сохраняя,
Почтёт всей славою почтенного Коня:
Явите, лошади, достойными себя!..
Чем хуже мы людей? – скажите, –
Иль, может быть, мы их слабей?
Нет, мы их в сотеро сильней. –
Так что ж, товарищи, вы спите?..
Неужли можете спокойно вы смотреть,
Как вас с презреньем запрягают,
Как мучат вас, и как стегают?
Довольно, лошади! Нет, нет! –

Нет больше сил к терпению!
Свобода – наш сигнал к сражению!..
Неужели ещё кричать я принужден,
Что вольность лучше, нежели плен? –
За дело правое пусть льются крови реки –
Да здравствуют кони и гибнуть человеки!»
Сим кончил речь второй сей Цицерон,
И с благородством каждый конь
«Свобода!» закричал и начал рвать удила...
Тут не могло ничто противиться их силе.
Им возвращён их век златой,
Блаженство и покой!

Злодей в сей басне – галл*, а лошади суть – немцы,
Младой же, бодрый Конь –
Германский Цицерон,¹⁷
Которого послушались соземцы.*

(ХД № 4).

¹⁷ Раупах. Смотрите: славное его воззвание к германцам.

Овен и Пёс

Не знаю именно я – в городе каком,
В Черкасске ль, Харькове, в Екатеринославе,
В Чернигове или в Полтаве... –
Пёс разговор завёл с овном,
Иль лучше – псом овён достойно укорялся:
«Как можно вам так низко быть,
Позволить мяснику, чтоб вами он ругался,
И чтобы смел он вас и резать и душить?
Как быть без гордости, без мести,
О собственной не думать чести,
Дать волю мяснику обид вам делать двести?»
Баран укоры пса довольно понимал,
Вздыхал,
И взор потупя вниз, – молчал.

Мясник – подьячие; Пёс – немец; а Баран...

.....

(ХД № 5).

Эзоп

Эзоп играл с детьми в орехи:*
Отвсюду колкости и смехи,
И даже брань и крик!
«Мальчишка, ученик!» –
Так проходящее кричали,
«Глупец!» – педанты прибавляли...
Эзоп предолго брань терпел,
Но после, потеряв терпенье,
Сказал такое изречение:
«Зачем мне не мешать безделья между дел?
Зачем с невинными детьми не забавляться?
Коль слишком лук тянуть, он может изломаться!»

(ХД № 5).

Орангутанг и Лисица

«Ну, назови ты мне какую хочешь птицу,
Иль зверя, коему б не мог я подражать?!»
(Так вопрошал Орангутанг Лисицу).

«А ты мне можешь ли назвать
Хотя не зверя, поросёнка,
Который бы хотел тебя перенимать?»

—

Лисица – Веллингтон,* а обезьяна – Бонька.

(ХД № 6).

Епіграми

Клеон

Все говорят, Клеон, тебе:
Что ты *дитя*, и ты бранишься,
Благодари твоей судьбе –
Ты в рай¹⁸ отсель переселишься.

(ХД № 1).

Федул

Федул, большое мне ты сделал одолженье,
Что длинное своё читал мне сочиненье!
Как, слушая его, приятно я... заснул!
Бог награди тебя, Федул!

(ХД № 1).

¹⁸ Евангелие от Марка. гл. 10. ст. 14. 15. 16. Евангелие от Матвея. гл. 18. ст. 3. гл. 19. ст. 14. Первое Послание к Коринфянам. гл. 14. ст. 20. Второе Послание Петра. гл. 2. ст. 2.

Уверенность

Буду ли я завтра жить?
Я не знаю верно.
Если ж буду завтра жить,
То что буду завтра пить –
Это несомненно.

(ХД № 1).

Арист

Лишь только подана была Аристу трубка,
Он стал кричать как без рассудка:
«О величайший плут Пахом,
Убей тебя небесный гром!
Как быть без совести – без Бога –
Содрать и так божиться много –
И присягать!! – "табак хорош",
Который к чёрту не годится...» –
Арист, зачем тебе сердиться?!
Купец побожится за грош;
А за сто – как не побожиться?!

(ХД № 1).

Редкость

Не знаю, правду ли учёны говорят:
Что если дерево (вот, например, осину),
 Не корень – а вершину,
 Как должно в землю закопать,
 Прилежно поливать,
То корень станет быть – ветвями;
 Вершина же – корнями?
 Но знаю точно, если б вниз
 Поставить головой Быкòва...
(Хоть он сердись, хоть не сердись),
 А не было б различья никакого!

(ХД № 2).

К портрету ...

Наружность голубина,
А внутренность змеина!

(ХД № 2).

К портрету ...

Рост славный, талья хороша,
А за лицо не дам гроша!

(ХД № 2).

Рай

Какой ты лакомка, Адам:
За яблоко всех нас обидел!
Когда бы жил тогда Абрам,
Так свет бы рай доселе видел.*
«А если б, друг мой, виноград
Был искушеньем вместо древа?» –
«Тогда пропал бы райский сад...» –
«Так правы, брат, Адам и Ева».

(ХД № 3).

К портрету П. Гончаренка

Потомству предстоит се Павел Гончаренко:
Он жизнь свою ведёт смиренько,
Быть сытым – весь его предмет:
А больше в нём желанья нет!

(ХД № 5).

Рецепт. Как получить Наполеона

Возьми ты Робеспьера кровь,
Столчи печёнку ты Нерона
С Тиверья сердцем,* и – готов
Состав Наполеона.

(ХД № 5).

Епітафії

А. Н. Нахимову

Жалеет Феб и плачут музы!
Нахимов умер – их певец.
В восторге: врач, педант, французы,
Ослы, кокетки, франт и льстец.
Крючки ж – от радости в трактире,
Что нет Нахимова в сем мире!

(ХД № 1).

Секретарю

Под сею насыпью гниёт известна тварь,
Ей имя: секретарь.
Все знают чрез сие названье,
Что тварей этих цех
Нам дан от Бога в наказанье
За наш великий грех.

(ХД № 1).

Мопсу

Фиделька, Мопинька, предмет нежнейший Лади,
Под этой бронзою сокрыт.
«Ах! Лучше б померли: mon père и mère*, и дяди...» –
Так Ладя в горести вопит:
Согласна бы лишиться *Белки!*
Чем миленькой *Фидельки!*»

(ХД № 1).

Ладиньке

Недолго Ладинька лила по мопсу слёзки.
С печали умерла она
И похоронена.
Недалеко от моськи.

(ХД № 1).

Лукерье

Гниют Лукерьины здесь кости,
Котора умерла со злости.

(ХД № 1).

Гражданскому чиновнику

Здесь погребён приказный,
Счастливый, сиречь, плут;
Он толк давал указам разный –
Ему же не дан кнут!

(ХД № 2).

Картёжнику

Тут,
Лежит преблагогородный плут:
Мотяга, пьяница, безбожник...
Короче: тут лежит картёжник!

(ХД № 2).

Кокетке

Не попади, прохожий, в сетку –
Здесь погребли кокетку!

(ХД № 2).

Педанту Силе

В сию могилу
Педанта положили Силу,
Которой помещал в себе 500 наук,
Но голову имел пустую, как сундук.

(ХД № 3).

Турецкому султану

Положено здесь тело Магомета,
Который был страшилищем для света:
Судьбы непостижима вервь!
Теперь его съедает червь.

(ХД № 3).

Пастуху Гончаренку

Сей муж был пастырь люботинский^{19*}:
Он пас свиней,
И ум имея свинский,
Был счастлив в жизни сей!

(ХД №3).

¹⁹ Люботин – село Валковского уезда.

Клим

Гниёт в рогоже Клим:
Бог с ним!

(ХД № 3).

Надгробие философа Демокрита

Оставим знак и мы предбудущим потомкам:
Да знают некогда по гробовым обломкам,
Что я на этом свете жил,
Что в нём я *больше* весел был,
Что значит: *меньше* огорчался,
И, живши, – к *цели* доискался!

(ХД № 3).

Кенотафия И. И. Л.

*

Сей муж, лет сорока, оставил бранный свет:
Ни ближним, ни родным потери важной нет;
От жизни позвала во гроб его чахотка.
Ни свету убыли, ни аду не находка!

○

(ХД № 5).

Новванскому

Прохожий! Кончена Новванского судьбина:
Проживши шестьдесят он лет,
В другой переселился свет;
А здесь оставил дочь, да сына.²⁰

(ХД № 4).

Младенцу

В могиле сей, цветами украшённой,
Младенец, почивай:
Ты малостью твоей спасенный –
Тебе награда рай!

(ХД № 4).

²⁰ Ежели читателям не покажется сие надгробие, я не виноват; но дочь господина Новванского, она просила меня, чтобы именно поместить, что отец её прожил 60 лет, и оставил дочь и сына.

Пісні

Песнь итальянская

Что вы, женщины, такое?
Мы не можем вас понять,
Вы создание смешное –
Больше ничего сказать.

Милы, скромны, тихи, нежны,
То любезны, – а подчас,
Жёстки, вспыльчивы, железны...
Не поймёшь, ей Богу, вас.

Что захочет – то с собою
Может женщина творить;
То представиться больною,
То казать здоровой вид.

Весела – тогда крушится;
Если ж точно грусть придёт,
Не грустит – а веселится,
И танцует и поёт!

Ежели кого полюбит,
Говорит: «терпеть нельзя».
Кто ж противен ей, так будет
Уверять: «люблю тебя».

Что вы, женщины, такое?
Мы не можем вас понять,
Вы создание смешное –
Больше ничего сказать.

Вы бессильны – но над нами,
Вы имеете всю власть,
Горе с нашими сердцами,
Если в сети к вам попасть.

Сердце как своё ни спрячешь,
Вы отыщете его,
Загорюешь и заплачешь –
Вам и надобно того.

Лжёт пословица старинна,
Хоть пословица она:
Будто бы глава мужчина,
А раба ему жена!

Женщины, вы нам услада,
Беспокойство и покой,
Наша радость и досада,
Вы наш ад – вы рай земной!

Словом: ваши мы игрушки,
Мы мячи и кубари,
Мы рулетки и котлюшки,
Мы рабы, а вы – цари!

(ХД № 1).

Песнь немецкая

Случилось бедному Степану
Узреть Лизету – полюбить,
И получивши в сердце рану,
Лизете эдак говорить:

«Лизета, будь навек моею,
Хотя я беден – не богат;
Однак любить тебя сумею
Без мраморных больших палат,

Поверь, любовь не в тех палатах,
Где, растянувшись, роскошь спит,
Любовь бывает чаще в хатах,
Там – где умеренность сидит».

Лизете должно б посмеяться
Степана бедного словам,
Она – ну плакать, обниматься,
Да и пошла с Степаном в храм.

Довольно хорошо пожили
Степан с Лизетой год, другой,
Да только ж счастливы и были
Довольные своей судьбой.

Их сильно бедность одолела,
Притом же парочка детей...
Лизета поздно тут узрела,
Что бедный муж Степан у ней.

Не стало пищи, ни одежды,
Не знают, как на свете жить –
С детьми, без денег, без надежды,
Осталось: под окном просить!!

Вот вам примерчик заблужденья,
Картины не забудьте сей!
И не женитесь без имения,
Чтоб не клянуть судьбы своей.

(ХД № 1).

Песнь французская

Я слышу, что донские
За Рейном козаки.
Дай Бог в Париж им самый
На час хоть заглянуть!

Пусть станут жечь здесь дѡмы,
И между тем тот дом,
В котором обитает
Любви моей предмет.

Я ветра бы скорее
И молнии быстрее,
Влетел в окно Жанеты
И вынес бы её!

А если б захотели
Красавиц полонить,
Я взял бы саблю в руку
И пред Жанетой стал.

Хоть говорят: поэты
Красавицам не щит,
Молчите, петиметры...*
Не вы ли щит красе?

Пусть руку отрубили,
Ещё другая есть,
Когда б и сей лишили,
Схватил бы в зубы меч!

Сражался бы дотолё,
Доколе голова,
О радость! – не упала
К Жанетиным ногам!

Она тогда б узнала,
Как я её любил –
Быть может – плакать стала,
Нет, много для меня!

Хотя бы две слезинки
На труп мой пролила,
Я был бы сим доволен
И с лихвой награждён!

Нет – милая Жанета!
Прошу одной слезы,
Дабы мне не остаться
Перед тобой в долгу.

Я больше жить не буду,
Чем долг мне заплатить?
В земле зарытый буду...
Быть плутом не хочу.

(ХД № 2).

Лиза

(Песенка)

О Лиза, рай души моей!
Моё едино утешенье!
О Лиза, в власти всё твоей –
Прервать – продлить – моё мученье.

Захочешь – весел я тотчас;
Желаешь – и страдаю,
О женщины, кто знает вас, –
А я не постигаю!

Смешные мира мудрецы!
Начто вам заходить далёко?
Начто вам там сводить концы,
Людское где не видит око?

Начто вам трогать небеса,
Гром, молнию и бури?
Вот Лиза вам – моя краса,
Занятье, балагуры!

Извольте вы мне описать
Её прелестнейшие взгляды,
И мне причину рассказать:
Зачем терплю от них досады?

Зачем от сих же самых глаз,
Являющих мне муку,
В минуту – весел я сто раз? –
Сию мне объясните штуку!!

Я вижу, труден мой вопрос, –
В тупик вы стали от Лизеты,
Повесили свой красный нос; –
То как вам разбирать планеты?

О Лиза! рай души моей,
Мудрейших – преткновенье!
Ты – цель одна мне в жизни сей,
И мой удел – прельщенье!!

(ХД № 2).

Песня лапландская

Скачи, любезный лось! Скорее,
Лети к подруге дорогой:
Ещё скорей, ещё быстрее,
Любезный, милый лосик мой!

Лети – ты знаешь путь далёкий –
К сударке радости моей; –
Да будь проворнее, жестокий!
И ног быстрейших не жалеи.

Когда бы было в власти нашей,
То я б на эти тучи сел,
Которы идут к юрте вашей,
И в миг к тебе бы прилетел!

Ах! крепче цепи что железной?
Кто цепь железну перервёт? –
Подобно, от моей любезной
Никто меня не оторвёт!

Вот скоро, скоро, к ней прибуду:
Тогда во весь я крикну рот,
Когда голубку видеть буду,
Гуляющую вблизи болот.

Скачи, любезный лось! Скорее,
Лети, к подруге, дорогой,
Ещё скорей, ещё быстрее,
Любезный, милый лосик мой!

Лети – теперь уж недалёко,
К сударке радости моей!
Не поступай со мной жестоко,
И ног быстрейших не жалеи!

(ХД № 3).

Песнь надовесская

*

Встану я до восхода солнца,
На высокий стану холм,
Чтоб узреть, как прогоняет
Чёрны тучи новый свет.
А как Солнце закатится,
О, Луна, даруй мне свет,
Чтобы мог я безопасно,
Отягчённый дичиной,
Возвратиться в мой шалашик,
Деточек обнять, жену,
С ними дичины покушать,
И на мягких листьях лечь!

(ХД № 3).

Песня американская

Прийди ко мни, любезна *Зара*!
И не сердися на меня,
Утешь ты верного *Навара*,
Который дышит для тебя!

Напрасно, *Зара*, убегаешь
От быстрой с крыльями любви,
Напрасно ты сокрыться чаешь
От видящей во тьме совы.

Ни реки, ни леса, ни горы,
Мой быстрый бег не пресекут,
Везде мои проникнут взоры,
Везде открыт мне будет путь.

Я взлезу на древа высоки,
Я реки преплыву глубоки,
Я оборву с кустов листы,
Лишь бы увидеть мне, где ты!

Уже на землю ночь нисходит,
И *свет очей* моих приходит,
Уже сближаются уста:
Будь век такая темнота!

(ХД № 4).

Поэмы

Основание Харькова

*(Усердно посвящается почтенным гражданам
Слободско-Украинской Губернии)*

Часть первая

Глава первая

Полтора ста лет назад,
Стары люди говорят,
Подле Лопани* частенько
Яков с Гапкой пел.

Гапка дочь Харька* была
И красавицей слыла,
А Харько был первый житель
В Слободской стране.

Яков был Харька батрак,
Парень бойкий – не дурак,
И за то любим был Гапкой,
Словно брат родной!

Ежели хотят друзья
Знать подробно от меня,
Что бывало Яков с Гапкой
Меж собой поют?

Коль хотите? – я готов
Рассказать вам их любовь.
Ну, так сядем у камина,
Я начну рассказ:

Чуть Харько куда пойдет,
Яков с Гапкой тотчас вслед,
Бросивши свою работу,
К Лопани спешат.

Там под старым дубом²¹ став,
Нежно друг друга обняв,
Грустно и почти сквозь слёзы,
Песнь сию поют:

ЯКОВ

Гапко, що мені робить?!
Як з тобою різно жить?
Я убогій сиротинка
Полюбив тебе.

А Харько, твій пан-отець,
Не сплете наших сердець.
Як любов мою пронюха,
Лихо буде нам.

²¹ Пень сего дуба и теперь видеть можно недалеко от моста.

ГАПКА

Яків любий, не жалкуй,
Та Гапусю поцілуй;
Хто иміє добру душу –
Не богат хіба?

Розум має хто – здоров,
Має хто таку любов,
Як голубчик Яків має,
Чи ще не богат?

ЯКОВ

Та се так, та, не зовсім.
Той багатий в світі сім,
Волів має хто, корови,
Свиней, поросят...

Шапку гарну, та жупан...
Той багатий, той і пан –
Ні, лебедику, Гапуся,
Я не буду твій!

ГАПКА

Я розплачусь, як мала...
Коли хоч, щоб я жила,
Так кажу моєму тату:
«Нехай Яків мій»!
Він за руки візьме нас...

▼
ЯКОВ

▼
Він Гапусі скаже: «Зась!»

▼
ГАПКА

▼
Ні, сего Харько не скаже,
Любе дочку він.

▼
ЯКОВ

▼
Ні, Гапуся, не кажи.
Яківа побережи.
Як Харько про се узнає,
Скаже: «Геть з двора!»

▼
Тогді Яків не барись,
По карасі в річку лизь...
Ні, Гапуся, коли любиш,
Не кажи сего.

▼
Будем жити як живем.
Коли можно одним днем
Забарить розлуку нашу,
То і те гаразд.

▼

ГАПКА

•

Гарно, Яків, не скажу.
Ось тобі що докажу:
Коли не твоя я жінка,
Дівка цілий вік

•

Тут обнимутся тесней,
Поцелуюся нежней,
Яков с Гапкой расходяться
По своим местам.

•

Каждый день и каждый миг,
Лишь останутся в двоих,
Яков с Гапкою под дубом
Тож да тож поют.

•

Так почти они весь год
Подле дуба и у вод
Жизнь счастливую проводили
И завидную жизнь!

•

Но однажды лютый рок
Вздумал дать им злой толчок.
В упоении восторга...
Их застал Харько.

•

Он давно их подмечал...
Что ж в душе он ощущал,
Горлиц сих в любви поймавши,
Только знает он.

·

Праведный смиря свой гнев,
На холме²² высоком сев,
Батраку велел и дочке
Подойти к себе.

·

Им сказал такую речь:
«Вас бы надобно посечь,
Но я сделаю особый
Здесь над вами суд».

·

Разумеется не так
Говорил Харько козак,
Говорил он им хохлацку,
Не московску речь²³:

·

«Я, как добрый вам отец,
Вашей дам любви конец,
Только, Яков, ты мне прежде
Службу сослужи».

·

²² Что теперь лестница недалеко от присутственных мест.

²³ Речи героев сей баллады должны бы быть на малороссийском языке; но многие заметили издателю, что это будет шероховато.

Речь таковская Харька
Показалась им сладка.
Яков, павши на колени,
Первый говорил:

«Пан – Харько, отдай мне дочь,
Я служить тебе не прочь,
Для Гапуси всё исполню,
Что мне ни велишь».

Гапка в очередь свою
Речь отцу сплела сию,
Тоже ставши на колени,
Как её дружок.

«Милый батюшка драгой!
Будь лишь только Яков мой,
Предпринять и я готова
Самый тяжкий труд!»

«Встаньте, дети, ладно уж,
Яков, ты ей будешь муж,
Ежели ты мне достанешь
То, что я скажу:

Поезжай-ка в Ахмечеть –
Где татарский хан живет.
С бороды его мне мерзкой
Вырви пук волос».

И сказав сии слова,
Встал украинский глава
И с холма свой путь направил
Прямо в домик свой²⁴.

Яков же, его батрак
Поражён был этим так,
Что чрез час насилу в память
С Гапкою пришёл.

Оседлал потом коня,
Вместе с Гапкою стенья,
Богатырские доспехи
Он Харька надел.

С девицей простясь, с Харьком,
Бедный Яков с лошаком
В две минуты с половиной
Невидимкой стал.

Что же Гапка? – Ах, она
Тяжко сделалась больна,
Чуть ли не была в горячке –
Самый сильный бред...

Хоть Харько её жалел,
Но помочь ей не умел.
Яков был уже далёко –
Он лишь ей бальзам.

²⁴ Хижина Харька по преданию была там, где теперь дом почтенного отца Андрея Прокоповича.

Тут Харько мой в первый раз
Слёзы выкатил из глаз,
Кои на седые усы
Падали, дробясь.

А по Феське²⁵, по жене,
Не лились ужель оне?
Феська, с позволенья, ведьма
У Харька была.

Так её он не любил,
Потому и слёз не лил –
Матери ж, отца лишился
Ещё в детстве он.

Но довольно отступать,
Стану повесть продолжать.
Пан-Харько поплакал – вздумал
Яшку воротить.

И Терешку, и Грицька,
Епымаха и Яцька,
Федька, Власа и Юхима...
Всех послал за ним.

Каждый лошадь оседлал,
Вслед за Яковом скакал,
Каждый к ночи возвратился
Без богатыря.

²⁵ Феська была женой Харька.

Поскакал Харько бы сам
Вслед по Якова стопам,
Но не знал кому Гапусю
Поручить свою.

Что же делать? Как тут быть?
Как Гапусе пособить?
Бедненькой ей очень трудно,
Дышит чуть она.

Люди вздумали водой
Покропить её святой,
Ставят образ Николая
Над её главой.

Влас, крестясь, поклоны бьёт,
Епымах псалмы поёт,
Юхим с Федькой на коленах.
Плачут Гриць, Яцько...

Все Харька любили дочь,
Все хотели ей помочь.
«Добрая живи, Гапуся!»
Так молились все.

Не взыщите на меня,
Милые мои друзья,
Я прерву в сем месте повесть
До другого дня.

Завтра тоже вечерком,
Как теперь, пред огоньком
Я вам славные походы
Якова скажу.

Много он настроит штук,
Волосов достанет пук
С бороды татарска хана
И Харьку отдаст!

Но скажу вам наперёд,
Я отличный сей поход
Расскажу другим размером,
Этот надоел.

(ХД № 1).

Глава вторая

Приятно в зимний вечерок,
Коль у огня друзья полкругом
Сидят, и курят табачок,
И точат балы за досугом.
Любезность, искренность, любовь,
У них в беседе заседают;
Из них там каждый без чинов,
Там ближнего не обижают,
Там истинна весёлость есть,
Никто в беседе их не связан.
Вельможи, что мне ваша честь?!
Я к вашей жизни не привязан;

Когда со мной мои друзья,
Когда им сказываю сказки,
Не надобны мне ваши ласки,
Царей тогда счастливей я!
Не так ли, друг почтенный Дмитрий,
Не тоже ль скажешь, брат Андрей?
Хоть будь венцом украшен, митрой,
Но если нет с тобой друзей,
Твой жребий стоит сожаленья.
Ах, как тогда на свете жить,
И с кем, скажите, разделить
И радости и сокрушенья?!
Но брат мне Дмитрий говорит:
«Зачем, Маслович, ты болтаешь,
Зачем известное твердишь,
А повести не начинаешь?»
Сейчас, любезный мой, сейчас,
Имей короткое терпенье:
Дай мой исправлю гроком глас,
И ты моё услышишь пенье.

Часть вторая

*«Знать, такі пришли вже годи,
Щоб веселим бути годі!
І не можна чоловіку
Без напасті кончить віку.*

*Що моя Гапуся робе?
Мабуть, досі вже во гробі!
Мабуть, досі ангелочок
Її душу взяв в Райочок!²⁶*

*Яків, бідна сиротина!
Мучить зла тебе година,
Гоне, ріже і терзає,
З любой Гапкой розлучає!*

*Зділай милость, змилуйсь, долю!
Прогони від мене болю!
Потіш моє, порадь серце,
Йому гірко так, як в перці!*

*Коли буде твоя воля,
Що потішить мене, доля,
Мабуть, я і ворочуся,
Поживу з тобою, Гапуся!*

*Люба Гапко, не журися,
Лучше Господу молися,
Мабуть, я і ворочуся,
Поживу з тобою, Гапуся!»*

²⁶ Простолюдины думают, будто бы пред смертью праведного прилетает ангел за его душою и уносит её в рай, а душу грешника тащат аггелы в ад, или, по их наречию, в пекло.

Так пел горе-богатырь,
Мечтой услаждался,
Лошадь в *Куряж* монастырь²⁷
Гнать скорей старался,

Потому, что дождь и гром,
Ветер, град и молнья!
Вот уж виден Божий дом,
Вот и колокольня!

Бедный Яков весь измок,
В ворота стучится,
Но на воротах замок;
А монах боится!

Гром сильней меж тем гремит,
Удар за ударом;
Яков тож сильней стучит,
Всё, однако, даром.

От него невдалеке
Дуб гнилой свалился;
Больно Якова руке;
Он стучал, крестился.

Бедный горе-богатырь!
Всюду неудача,
Не пускают в монастырь,
И убита кляча!

²⁷ От Харькова в девяти верстах находится монастырь, называемый Куряжским.

·
Яков жалкий во слезах
Лошадь обнимает;
Слышит стук давно монах;
Да не отпирает.

·
Отчего святой монах
Врат не отворяет?
У кого металл в руках,
Гром тех побивает.

·
Чтоб ворота отпереть
Надо ключ железный,
А как вдруг начнёт греметь,
Век и кончит слезный.

·
Пусть прохожий подождет,
К нам рубашка ближе,
(Был монахов всех совет).
Яков, подожди же!

·
У кого святы отцы
Физике учились?
В ней большие хитрецы
Они учинились!

·
Незадолго перед сим
Гость, монах согбенный,
Нареченный Ероним,
Здесь был угощенный.

·

Слава года три почти
Об нём разносима:
«Будет Ероним идти
Из Ерусалима.

Он желает посетить
Каждую обитель,
В них молебны отслужить,
Чтоб простил Спаситель!»

Баба, между тем, молва
Своё говорила:
«Ероним, свята глава,
Где б ни проходила,

Строит всюду чудеса,
Больных исцеляет,
Он незрячим очеса
Зрячие вставляет!

Он приятен небесам,
Свят и преподобен!
Чуть ли ни Никола сам,
Иль ему подобен!»

Сей-то славный Ероним
Пробыл час здесь лишку,
И хозяевам своим
Дал в подарок книжку:

«Как себя остерегать
От грома и молнии».
Яков, надо подождать
Подле колокольни!

Перестал сердиться гром,
Молнья не блистала,
Литься дождь престал ведром:
Всё как прежде стало.

Лишь гнилого дуба нет,
Нет коня: убитый!
Да наш Яков не согрет
И ещё сердитый!

Воротà монастыря
Наконец открыли;
Мокрого богатыря
Наконец впустили.

Обсушили там его,
Славно накормили,
И за это ничего
С рыцаря не сбрили!

Есть обычай на Руси:
В хижине и в кельи
Странник, что ни попроси,
Пить ли, есть, постели,

Всем хозяин рад служить;
Се черта народа!
Вот чего искоренить
Не успела *мода!*

•

Яков у отцов гостил
День лишь с половиной,
Два молебна отслужил,
В путь пошёл с кручиной.

•

Уж шестой он день идёт,
Крымец вдруг навстречу
Едет гордо и ревёт:
«Дай учиним сечу!»

•

«Ах ты, мерзкий басурман! —
Яков восклицает. —
Трогать смеешь христиан! —
В сердце продолжает. —

•

Нажился, знать, в жизни сей!
Вот тебе подарок!
Жён, проклятый, не имей
Четырёх татарок».

•

После гордого пронзил
В самую печёнку,
И с поспешностью вскочил
На его клячонку.

•

Тут хотелось покривить
Рыцарю душою,
Но татарин был обрит,
А не с бородою.*

Хоть не хочет, но вперёд
Скачет поневоле;
Как назло ему, бород
Нет в чистом поле.

Скачет день, и день ещё,
Полон нетерпенья,
Ищет бороды вотще...
Видит лишь каменья.²⁸

Кончим здесь вторую часть,
Замолчим, ни слова!
Коль случится нам попасть
В журналисты снова,

Слово верное даём
Кончить бедных муки:
В третьей части допоём
Якова все штуки.

*Продолжение вперёд.**

(ХД № 6)

²⁸ По Екатеринославской дороге видно и теперь множество безобразных каменных статуй.

Утаида

(Комическая поэма)

Содержание первой песни:

*Затей и Марья не имеют детей – их горесть –
фортуна благоприятствует Затею сыскать средство
к получению детей – радость Затея и Марьи,
происшедшая от сего – рождение сына и дочери.*

Прощайте музы, Аполлон,
Я докучать вам перестану,
Пред бабушку Ягу предстану
И позабуду Геликон.*
Уже седлаю Сивку-бурку,
Не с тем, чтоб ехать на Парнас,
Я еду в бабину конурку,
Её волшебный слышать глас.
О, бабушка Яга седая,
Своим вниманьем удостой,
Бандуру ветхую настрой
Воспеть чудесного Утая!
Да пусть сравнится он с Бовою
И пусть Полкана превзойдет,*
Позволь, Яга, сему герою
Пройти чрез целый белый свет.
А ежели ему случится
И умереть иной порой,
Волшебною твоей водой
Пускай опять он воскресится.
Итак, Яга, с сим договором

Начну я сказку говорить,
Под бдительным твоим надзором
Я стану чудеса творить.
Однак, не обращай вниманья
На то, что часто мой стишок
Иметь не будет сочетанья –
И будет для ушей жесток.
Златой я бабы не приказчик,
Не стихотворец – но рассказчик,
Яга, твоих чудесных дел! –
Я так бандурил, как умел.
Надеюсь, будет всяк доволен,
Кто сказочку мою прочтёт,
Бессонницей не будет болен,
А тотчас крепким сном уснёт.

В лесу густом была избушка,
А в ней
Жил дед Затей
Да Марья, добрая старушка.
Затей с старухой ладно жили,
Довольны и богаты были,
Имели много кур, коров,
Собак, индеек и котов,
Лошадку, уток и гусей,
Но не имели лишь детей –
И в мрачной от того печали
Остаток жизни провождали.
И целый день и целу ночь
С старухой дед в большой кручине;

Иметь старуха хочет дочь,
А дед всё думает о сыне.
Затей затейник был удалый
И прозван от того – Затей,
Однако был в надежде малой
Иметь с старухою детей.
Он долго думал и трудился
И как хитр ни был, ни удал,
Уж он пыхтел, кряхтел, морщился,
Но не имел чего желал,
И до сих пор всё было б втуне,
Когда бы невзначай фортуне,
Играя в жмурки,
Не зацепить его конурки.
Известно всем, когда кто с сею
Сведёт знакомство госпожею,
Тот, что ни вздумал, всё творит.
Пришла ль охота рушить грады?
Он грады рушит и валит,
Без всякой жалости, пощады.
Иль вздумал быть царём вселенной?
Венцом он мигом украшенный,
И государь государей.
Затей
До царства не был лаком
И о венце не помышлял.
Он быть с рогатым, круглым знаком*
За счастье не полагал.
Сей дед имел довольно толку
И был своей избушке рад,
Иметь желал ребятку двойку,

А не венца и не палат.
Фортуна хоть
Глупа,
Кого однако ж обласкает,
Тот всё имеет, что желает.
Затей
Иметь желал детей
И средство их иметь находит,
Вдруг странна мысль ему приходит,
Чтоб уподобиться наседке
И из утинового яйца
Иметь птенца!
Мысль эту Марье объявляет,
Её целует, обнимает,
Короче: в радости такой,
В какой
Бывает секретарь
Иль всякий вообще подьячий,
Когда получит, будто в дар,
Как говорят, кусок горячий.
Дед с Марьей, после целований
И после долгих обниманий,
Яиц утиных принесли
Не пару – чуть ли не десяток,
Вот как они иметь ребяток
Желали! И потом снесли.
Снесли!
О, как легко сие мы слово,
О, как легко произнесли!
Как будто всё уже готово.
Хоть сказка скоро говорится,

Да в сказке скоро не вершится,
Как сел на яйца, потерпи,
Ночь, две и больше не поспи,
Претерпевай различну муку,
Досаду, голод, жар и скуку,
Сиди на месте, распотей
И шевельнуться не посмей.
Уж день сидят мои герои,
Сидят и ночь, и день другой,
Но нет надежды никакой,
Как словно грекам подле Трои.
Проходят девять уж ночей
И столько ж дней.
Но нет детей.

Десята наступила ночь,
Яйцо под Марьей разрешилось,
Её желанье совершилось,
И Марья получила дочь.
У женщин, видно, больше жару,
У женщин, видно, больше пару,
Чем в нашей братьи у мужчин.
И вот причина, что не сын,
А вышла дочь на свет скорее;
Вы, женщины, мужчин жарчее.
Прошло пар нисколько часов,
Прошли не наши, а такие
Часы огромные – какие
Находятся у должников,
А может быть, и этих шире.
Но нет! Я вам готов божиться,
Сии часы с часами их

Никак не могут уравниваться,
Их час бывает дней в четыре,
В неделю, в месяц, в целый год...
Но лучше-ка зажать нам рот
И к сим часам не прикасаться,
Должник бывает лих,
Ещё он вздумает за них
Прицепку сделать и ругаться.
Читатели, прошу, простите,
Вперёд не стану отступать,
И, если слушать вы хотите,
Опять начну я продолжать.
Мы все имеем недостатки,
У всякого есть свой порок:
Подьячий брать охотник взятки,
Философ любит винный сок,
Певец Утая – отступленья,
Педант – без умолку кричать,
Иной – чужие сочиненья
На свой манер переставлять,
Льстец рад пред барином большим
Хоть в три погибели согнуться,
Когда ж учёных два столкнутся,
То в целых не остаться им:
Наверное, что подерутся...
Но нет! Довольно отступать,
Я слишком далеко отбился,
Уж может быть, – кто может знать –
И дед Затей наш разрешился.

Он, бедный, потерял терпенье,
Яйцо с досады раздавил,
И этим самым ускорил
Сынка любезного рожденье.

(ХД № 3).

Содержание второй песни:

*Призывание восторга – радость Марьи – печаль Затея
– он никак не может выдумать имён для детей своих –
Марья их называет – обыкновенное занятие Затея и
Марьи – рассуждение о женищинах – рост Утая и
Утки – сила Утая.*

О, краткие часы восторга, исступлений,
В которые начал я Утая воспевать,
И ты, крылатый гений,
Коль мог тебя вмещать,
Вещайте мне, когда чердак мой посетите,
Когда вторую песнь окончите, скажите?!
Я долго болен был, и весь изнемогая,
Позабывал себя, не забывал *Утая!*
В большом бреду, жару его вспоминал,
И только для *него* на свете быть желал.
Не только для него, ещё есть две причины,
Для коих не желал в болезни я кончины;
Причина первая: *ещё хотелось жить!*
Подземный узкий дом не мог приятен быть;
Вторая: был школяр, и для того боялся,
Дабы я школяром на веки не остался.
Неужли для того был должен видеть свет,
Чтобы в восемнадцать лет в школярстве умереть!
Я, кажется, рождён для благородной цели,
Чтоб в мире сем играть на лире и свирели,
И для того хочу подолее пожить...
Но полно попусту так долго говорить,
Чтобы читатель мой не вышел из терпенья,
Не начал бы меня бранить за рассужденья;

А я с читателем ругаться не хочу,
В его угодность замолчу.
Мои читатели мне украшеньё, слава,
Так должен ли я им за это досаждать?
Нет, нет, любезный *Савва!**
В угодность я твою не буду рассуждать,
И шестистопными, аршинными стихами
Не стану твой язык и слух отягощать,
Клянуся краткими строками тебя пленять и услаждать!^x

Когда Затей охолодился,
И жар его когда потух,
Он в важны мысли углубился,
К восторгам Марьиным был глух.
И Марья как уж ни кричала,
Чего ни делала она?
Плясала, топала, скакала,
Вот как прямая Сатана!
То дочку чмокнет, то к Затею,
То мигом к сыну подбежит.
Чуть-чуть себе не сломит шею,
Никак на месте не сидит,
Ревёт от радости, мяучит,
Пищит,
Визжит,
Кричит,
Ну, словом, чёрт старуху мучит!
Затей же всё молчит, молчит,
То лоб почешет, то скривится,
И кто не знает, заключит:

Решить *проблему* он трудится.
Но не в проблеме дело было,
Начто ему проблемы знать?
Но вот его что суетило:
Не знал, как деточек назвать.
Сергей, Улас, Кирбит, Лаврентий,
Демьян, Степан, Трофим, Самсон,
Лука, Фома, Давид, Аксентий,
Михайло, Прохор, Спиридон,
Лукерья, Анна, Евдокия,
Марьяна, Мавра, Тимофей,
Федора, Фёкла, Прасковья,
Кулина, Марья, Дорофей,
Пётр, Павел, Александр, Василий,
Роман, Никита, Алистрат,
Ефим, Игнат, Кузьма, Перфилий,
Пантелеймон, Егор, Панкрат...
Все, словом, святцы до листочка
Дед бедный тихо прошептал,
Однак для дочки и сыночка
Он выбрать имени не знал.
«Зачем ты, старый дед, косишься, —
Затею Марья говорит, —
О чём, кручинишься, морщишься?
Перемени медвежий вид.
Вот деточки! Любуйся ими,
Маленько с ними поиграй». —
«Прошу тебя, речью такими,
Старуха, мне не досаждай.
Недаром говорят: старухи
Куды охочи до вранья,

И пренесносны лепетухи.
Послушай, старая, меня:
Зачем кривлюся, есть причина,
Зачем невесел, тоже есть:
Не ты ль для дочери и сына,
Не ты ли имя можешь сплесть?»
На это Марья так сказала:
«Я имя дочке уж дала,
Не думала, не хлопотала,
А *Уткой* просто назвала». —
«Дочь *Уткой* назвала! Ты права:
Дочь из утиноного яйца.
Тебе, старуха, честь и слава,
Да как назвать бы молодца?
Давай, старуха, попытаем,
Час добрый, может, приберём;
Да как бы нам его?» — «*Утаем*,
Родимый батька, назовём».
Тут дед Затей от умиленья
Старуху начал обнимать:
Какие ж делал он движенья,
Нельзя никак их описать,
Ни рассказать,
А разве в сказочке солгать!
Но мы вранья писать не любим,
Одну лишь правду говорим,
И в сотню раз умнее будем,
Когда об этом умолчим.
Прошло дни два, — и три, — четыре,
А может быть и десять дней:
Утих Затей,

И всё в его утихло мире.
Затей по-прежнему в конурке
От утра до ночи сидел,
Коль скучно было, кушал булки,
А булок нет – хлеб чёрный ел.
Старуха же всё то творила,
Что добра мать в дому творит:
Прилежно за детьми ходила,
Старалася, чтоб муж был сыт,
Чтоб было чисто всё, опрятно,
Во всём хозяйство наблюдать:
О, как должно быть там приятно,
Где добрая такая мать!
Там нет ни свар, ни ссор, ни драки,
Любовь лишь там и тишина,
Там не грызутся, как собаки,
Где добрая живёт жена.
Хотя такие редки жёны,
Но можно их ещё сыскать:
Они блещут сквозь миллионы,
Легко их можно распознать.
Равно легко и ошибиться,
Шумиху золотом почесть,
Она как золото яснится,
Однако золото ли есть?..
Но полно, я опять с дороги
Большой в просёлочну иду,
Измучу только этим ноги,
А больше проку не найду!
Итак, оставим жён – к Утаю,
К его сестрице завернём,

Чудес мы множество найдём,
По крайней мере, так я чаю.
И впрямь, пока болтал пустое,
Мои герои подросли,
И чуть ли, чуть ли не были
Они повыше гуся вдвое.
Утай в особенности рос,
И в каждый час в такую меру,
На сколько вздёргивает нос
Надутый хватик Бекокос
(Что даже превышает веру!):
Здесь кой-что надо бы сказать
О носе сем, смотрящем в гору,
Но чтоб не всё уж отступить,
Скажу об нём в другую пору.
Сестра же Утка подрастала
Не так, как брат её Утай;
Но в день шестой такая стала,
Хоть под венец её давай!
Ах, не завидна ли, девицы,
Такая участь Утки сей:
Статна, невеста, краснолица,
Притом недели нету ей?
Все девушки, конечно, знают,
Что здесь бы я ещё сказал,
Когда бы их не почитал:
Мужчины сами пусть гадают.
Она казалась лет в пятнадцать,
И рость престала наконец,
Не рос и брат, и был лет в двадцать,
И впрямь прехватский молодец!

Глаза – как огонь в ночи светили.
Ногой – где ступит, там трещит.
Пред ним столетни дубы хилы:
Он их мизинцем повалит!
Херсон, Бова и Ерусланы,*
И все царевичи Иваны,
И даже Муромец Илья,
Пред ним вточь были то, что я!
Тобой вторую песнь кончаю,
Богиня костяна нога!
Тебя молю, к тебе взываю,
Седая бабушка Яга!
Снабди, всесильная, советом,
Руководи младым певцом,
Чтоб мой герой пред целым светом
В грязь не ударился лицом.

^x Нет зла без добра! Не будь я тогда болен, – то вторая песнь Утая не имела бы приступа; а где нет приступа, там нет и окончания. Итак, госпожа горячка, я вам очень обязан за ваше тогдашнее милостивое посещение. Вы причина бытию второй песни, следовательно, и последующим; а посему и «Харьковскому Демокриту»; – ибо Утай был верным запасом и основанием, на котором вздумал я воздвигнуть сие Издание. Может быть, кто из читателей хочет здесь прибавить, что госпожа горячка есть также и причина теперешней его зевоты, а посему и хорошего сна: всё-таки добро, ибо кто хорошо спит, тот наслаждается первейшим благом сего мира, т.е. здоровьем, а кто хорошо и много спит, тот ещё имеет всё право на будущую награду! По словам известного латинского

(а посему и справедливого) силлогизма: Qui bene bibit...*,
только первое предложение должно превратить в Qui legit
D...*, что и составит следующий, во всей форме
Аристотелевский силлогизм:

Qui legit D...

Bene dormit,

Qui bene dormit, non peccat,

Qui non peccat, sanctus est;

Ergo, qui legit D... sanctus est.*

Итак, господа! ежели хотите быть блаженными, так
разбирайте Демокрита!..

(ХД № 3).

Содержание третьей песни:

*Певец намекает Затею и Марье о разлуке с их сыном –
Утай вымышляет сон, дабы иметь предлог оставить
отеческий кров – самый сон – неопиcуемая сцена
расставанья – Утай в походе.*

О, Марья жалкая, несчастнейший отец!

Как мало радость вы вкушали!

Вы плачете – и ваш певец

Причина, скажут, сей печали.

Не знаю, можете ль снести

(О, участь! О, судьба презлая!),

Когда услышите: «Прости!»

От сына вашего Утая.

Теперь то время настаёт,

Чтоб вам с сыночком распрощаться.

Боюсь – вас эта мысль убьёт,

Однако надобно расстаться.

Ваш сын рождён, чтоб свет дивить

И бывших рыцарей доселе

Изгнать из памяти, затмить,

Героем быть на самом деле;

Преступников разить, карать,

А добродетель защищать,

С невинных низлагать оковы

И не щадить за правду крови,

Короче, век златой ввести:

Чтобы подьячие не крали,

Чтоб больше ябеды не лгали,

А врак учёным не плести;

Чтобы льстецам не изгибаться,

А мудрецам не напиваться,
Спесивым нос не задирать,
Дабы его не изломать;
Отцов чтоб дети почитали,
Мужьям и жёнам верным быть,
Роптать чтоб бедны перестали,
Чтобы игру искоренить,*
Чтоб не было ни войн, ни браней,
Чтоб не писать вралям стихов,
Не налагать чтоб тяжких даней,
Не переваживать весов;*
Купцам напрасно не божиться,
За рубль чтоб двух рублей не брать,
Чтоб только школьникам учиться,
Отнюдь старухам не болтать;
Монахам чтоб не лицемерить,
Попам немного быть умней,
Всему чтоб атеистам верить,
А господам не драть людей;
Чтобы... но можно ль всё исчислить,
Чего не должно в свете быть,
И что Утай исправить мыслит?
Так лучше дребедень не бить;
Скажу короче, что вам боле
Никак нельзя с Утаем жить,
Хоть по неволе, хоть по воле.
Он, богатырь – богатырям
Сидеть за печкой невозможно,
Искать им приключений должно
И подвергаться всем бедам.
Итак, дед с Марьею, прощайте,

Сынка вам долго не видать,
Певца напрасно не ругайте,
Певец ей, ей, невиноват,
Что ваш сынок по белу свету
Задумал рыскать, как шальной!
Ах! не бери он посох свой,
Я б тотчас кончил сказку эту,
Тисненью вмиг её предал:
О, сколько б радостей вкушал!
О, как мои сияли б очи,
За те недосыпанные ночи,
Кои в заботах провождал,
В которы рифмы прибирал!

Утай однажды поутру
Пошёл с сестрою прогуляться,
И походивши по бору,
Домой задумал возвращаться.
«Зачем так рано, милый брат,
Гулянье нынче оставляешь,
О чём грустишь и воздыхаешь?
О чём с тобою нам вздыхать? —
Сказала Утка так Утаю. —
Позволь ещё я погуляю,
Пойдём с тобою мы на луг,
Там разных я нарву цветочков:
Каких же для тебя, мой друг,
Хороших наплету веночков!
Ещё успеем мы домой.
Смотри, как солнышко сияет...» —

«Я рад бы всей моей душой, –
Утай так Утку прерывает, –
С тобой, сестра моя, гулять,
Но на́ дом надо возвратиться;
Там сон хочу я рассказать,
И после странствовать пуститься».

Сказав сие – он замолчал
И путь направил свой к избушке:
Ах, сколько деду и старушке
Возвратом бед он предвещал!
Уже Утай в избёнку входит,
И разговор о сне заводит,
Приняв печальный вид и тон,
Так свой рассказывает сон:
«О мать, отец, какое горе!
Послушайте, что снилось мне:
Что будто бы я брошен в море,
И будто бы на самом дне;
Вдруг вижу я перед собою
Великий преогромный дом,
Сидел в котором чудо-сом
И эдак говорил со мною:
"Утай, – он сильно заревел:
От рёва весь я содрогнулся, –
Утай, се я, се чудо-сом хотел,
Чтоб ты морского дна коснулся;
Мне всё подвластно на земли,
Будь, богатырь, ты мне послушен,
Глаголу моему внемли,
И будеши благополучен.

К великому рождён Утай;
Он должен странствовать пуститься,
Не медли – завтра же ступай,
Твой род навек благословится".
Лишь чуть сие он произнес,
Так сильно разом востепенулся,
Что я проснулся,
И с домом чудо-сом исчез».
Коль хочется по свету шляться,
Что делать и богатырям?
За ложь же надобно приняться,
Они и прибегают к снам.
И наш Утай сварганил сказку;
Как кажется, и он солгал,
И матери своей за ласку
Сон богатырский рассказал.
Притом ещё вздохнул искусно,
Разов быть может до шести,
Примолвя: «Тяжко мне и грустно!
Но надобно в поход идти».
Все-все печальны восклицанья,
В грамматике какие есть –
Читатель, должен ты привести
Их все сюда без отрицанья:
И «ге» и «ги» и «го» и «гю»,
То и тогда навряд представишь
Плачевну сцену ты сию,
Хоть тысячу *тире* поставишь
И столько ж к ним ещё прибавишь
Кавулек, точек, запятых
И знаков множество других,

Подобно же смешных,
Пустых,
То и тогда рыданий, воев,
Несчастливых моих героев
Ни на волòс не начертйшь.
А как дойдёшь до обниманья,
До поцелуев и прощанья,
Перо ты бросишь, замолчишь.
Как сделаю я бесподобно,
Когда, тебе, мой друг, подобно,
И сам об этом ни словца!
А выведу я молодца
Из дедовой избы на поле!
Пусть с божьей помощью идёт
Час, два, четыре, пять и боле;
От этого убытку нет.
У нас на это есть прибаска,
Её ребёнок знает всяк:
Хоть скоро говорится сказка,
Да дело не вершится так.
Пускай Утай мой погуляет,
Гулять большой ему простор,
О приключеньях пусть мечтает.
Пускай свой пресыщает взор
Болотом, лесом и долиной,
Рекой, буграми, ручейком,
Пусть сей прельщается картиной,
А мы немного отдохнём,
Пусть дождь его не раз измочит,
Пусть воет ветер, гремит пусть гром.
Пускай прозябнет, если хочет,

А мы немного отдохнём.
Мне право более нет мочи,
Уж мне мои не служат очи,
Пора мне бедному заснуть:
Желаю всем приятной ночи
И песнь оканчиваю тут;
Лишь только одному Утаю
Минуты спать не позволяю.

(ХД № 5).

Содержание четвёртой песни:

*Рассуждение о блаженстве рифмотворцев
относительно их сна – певец отыскивает своего героя
в лесу, слушающего песнь неизвестного – самая песнь –
просьба незнакомца – он угощает Утай в своей хижине
– Утай кушает по-богатырски – очаровывается игрою
и пением незнакомца – история незнакомца – Утай в
походе.*

Нет, рифмотворцы, вы блаженны;
Людей счастливее стократ,
Когда от рифмы утомлены
Вы наконец ложитесь спать!
Уж то-то сладко, сладко спите,
Не поворóтитесь – храпите!
Кикимора же между тем
Какие сны дарит вам всем!
Иному грезится поэту
(Пускай Абрамом будет он),
Что он, окончив песню «Лету»,
Взят музами на Геликон.
Что там сидит он на престоле,
Родной считается царям,
Вконец забыв, что он не боле,
Как жалкий рифмоткач Абрам.
Что поутру, когда проснётся,
Минёт его царева честь.
Своей поэмой он займётся,
И чёрствый хлеб рад будет есть.
А стихотворцу снится Доду,
Что он свою окончил оду

И князю оную поднёс.
Тот сотню дал ему червонных,
Дод от сего подьемлет нос
И презирает всех учёных.
Сидит счастливый день и ночь
И от стола не идёт прочь,
На них сатиры длинны пишет,
На них ужасной злобой дышит
И лишь возносится собой.
И дав полёт воображенью,
Надряпав рифм великий строй,
Их предаёт уже тиснению.
И весь свой дрязг – на княжий счёт!
Но полно, затворю-ка рот.
Я что-то очень заболтался,
Я только доказать старался
Сколь рифмотворчий счастлив род,
Как спит он сладко и завидно! –
Мне будет горько и обидно,
Когда кто станет вымышлять
И заключать совсем другое
Да к этому прибавит втрое,
Что будто бы я подсмехать
Хотел тебя, народ почтенный!
Я чтил всегда твой дар священный.
Сказать хотелось только мне,
Что был я сам в подобном сне.
Что спал я эту ночь прекрасно,
И что законом положил
Писать – пока не станет сил
И спать не захочу ужасно.

Ну что, Утай, обманщик злой,
Ну как ты ныне поживаешь,
Что думаешь и где гуляешь?
Всё-всё, пожалуйста, открой.
Ты причинил печаль мне многу
И не хотел ты, молодец,
Чтоб сказке был моей конец.
Пустился в дальнюю дорогу.
Ах, если б ты да в эту ночь
Хотя б сквозь землю провалился,
Гулять бы не был ты охоч
И в путь в другой раз не пустился.
Не видишь ты, о, богатырь,
Как я, певец твой, днесь страдаю,
Не слышишь ты, как я ругаю
Тебя, себя – и целый мир!
Не мучь же ты меня, довольно!
Ей-ей терпенья больше нет.
Так делать, право, непристойно,
Открой, пожалуйста, свой след.
Открой – иль *Савва*, твой читатель,
Большой всех сказок почитатель,
Тебе Херсона предпочтёт,
Наморщится и прочь пойдёт.
На нас он критикою грянет
(Большой он в сказках грамотей)
И то наделает он с ней,
Что покупать никто не станет
Прекрасной сказочки моей.

Через сие я стану нищий
И буду жалкий человек.
Ты только быть мне можешь пищей
И усладишь мой горький век.
Сие Утая поразило,
Он о себе дал мигом знать.
(Давно бы так ему сказать,
Так дело бы и в шляпе было).
О! о! да как ушёл далёко,
В дремучий лес вступает он.
Вдали мерцается огонь,
К нему шагает он широко.
Но долго ли Утай мой шел?
И шел ли скоро или тихо?
Сказать сего б я не хотел:
Богатыри все ходят лихо!
И моему кто не велел,
Чтобы придти к огню мгновенно?
Уже давно он у огня,
Имея сердце восхищенно
Стоит в забвении себя.
Но не от щей, что там варятся,
Нет, их не видит вовсе он!
Мог всякий бы очароваться,
Когда б такой услышал тон,
Какой Утай прельщённый слышит.
Бедняжечка почти не дышит,
Слеза с его катится глаз,
Пленил его волшебный глас.
Песнь фантастическу, унылу
Сей глас неведомый поёт

И своему предмету милу
Имён он множество даёт,
А настоящим не зовёт:

«Утеха, жизнь моя и сладость,
Блаженство ты, моя ты радость,
И всё ты в свете для меня.
Печаль, скорбь, грусть, моя отравка,
Мой ум ты и моя ты слава,
Не в силах я наречь тебя.

Не ведаю тебе названья,
Цель моего существованья.
Моя едина благодать,
Ты всю вселенну украшаешь.
Ты мне вселенну составляешь,
Могу ль тебе я имя дать.

Чего, бессмысленный, желаю!
О нет, тебя не постигаю,
Ты неземное существо!
Благоговею пред тобою,
Боготворю тебя душою,
Ты идол мой! Ты божество!»

Так голос пел. И вдруг выходит
Какой-то парень молодой,
К Утаю скоро он подходит
И юной жмёт его рукой.
Так обращается к Утаю:
«О, богатырь, тебя я знаю,

Ты приходишь из яйца,
Тебя давно жду, *молодца*.
Теперь, Утай, в твоей лишь воле,
Чтоб не был я в злосчастной доле,
Лишь ты один расторгнешь ковь
Враждующих и злых духов.
Когда меня ты успокоишь,
Тебе и сам я услужу,
И, богатырь, когда позволишь,
Тебе всё дело расскажу!
Но прежде, добрый мой спаситель,
Пойдём ко мне в мою обитель,
Я там пред милостью твоей
Поставлю хлеб и соль и щей.
Захочешь пить – я мёд имею,
И квас хороший также есть...» –
«Ты мне большую кажешь честь,
Я речью удивлён твоею, –
Сказал Утай ему в ответ. –
Ты, незнакомец, мне загадка,
Хоть речь твоя приятна, сладка.
Но если тут обмана нет,
И от моей зависит власти,
Тебя избавлю от напасти».
Потом ко хижине смиренной
Утая юноша повёл,
В которой был дубовой стол,
Холстом белейшим покровенный.
Хозяин гостя посадил,
Сам побежал скорей за щами,
Носил горшки он за горшками,

Утай их все опорожнил,
В честь богатырскому народу
Ведро с четыре выдул мёду,
Да в пользу брюха своего
Он выпил квасу в ноль сего.
Потом, как всё уже поели,
Хозяин начал на свирели
Выигрывать такие трели,
Что мой Утай оцепенел
И, выпуча глаза, смотрел.
Хозяин тотчас догадался,
Как гость игрой его прельщался,
Свирель отбросил – начал петь,
Утай не мог тут усидеть.
Обнял хозяина драгого:
«О мой хозяин дорогой,
Нет имени тебе другого.
Скажи, скажи: кто ты такой?..» –
«Скажу, герой премногочтимый,
Лишь исцели меня от ран.
Соедини меня с *любимой!*
Я называюсь *Боян*.
Во граде Киеве родился,
Мной сей великий град гордился,
Он *Соловьём* меня нарек,
Я был счастливый человек.
Был при Владимире, при князе,
В честях, обласкан и почтён.
Служил ему в его приказе,
Князь был игрой моей прельщён.
Он отличать меня старался,

Хоть князь, но мне он другом слыл! —
Но я недолго счастлив был,
Недолго жизнью наслаждался.
Я млад — во мне вспылала кровь —
И я почувствовал любовь.
В одну влюбился я девицу,
Румяну, белу, круглолицу,
На ней жениться был готов,
Но было, знать, судьбам угодно,
Иль строгой участи моей,
Чтоб я на свете жил безродно.
В ночь *воробьиною** Кащей
Бессмертный в терем прилетает
К моей Любиме дорогой,
Её на спину полагает,
Летит — уносит в терем свой.*
Тут начались мои печали,
Как бешеный, год бегал я;
Леса, вертепы и поля,
Лишь вы одни мой стон слышали!
Но, наконец, в святой сей лес
Зашёл я как-то ненароком,
И, думаю, судьбой иль роком
Был остановлен путь мой здесь.
Мне некий голос неизвестный,
Но утешительный, небесный,
Твоё пришествие предрек:
"Остановися, человек! —
Так молвил голос-утешитель. —
Любимы твоея спаситель
Сюда чрез полгода грядет,

Мрак кончится – настанет свет.
Имеет имя он *Утая*.
Се будет чудо-богатырь,
И, из яйца проистекая,
Он удивит собою мир".
И я в восторге, в исступленье,
Отколе глас был слышен мне,
Я обратился к той стране
Воздать богам благодаренье!
Построил хижину потом,
Запасся разными вещами,
И, утешаяся мечтами,
Свирелью, песнями, гудком,
Так проводил сии полгода,
Ждав твоего в сей лес прихода.
Теперь ты ведаешь кто я,
И – повесть кончена моя». –
«Боян, – сказал Утай Бояну, –
Ты будешь счастлив, не тужи,
Утай твою излечит рану.
К Кащею путь мне покажи.
Сему *бессмертному* Кащею
Настрою тысячу я бед;
Сорву с него сухую шею
И брошу птицам на обед.
Недаром мать сестре твердила,
Сестра одна чтоб не ходила –
Иль будет очень худо ей:
На свете есть лихой Кащей.
Утешьтесь, жёны и девицы,
Отец, мать, дядя, муж и брат.

Нет, старой более синице
Пшеницы красной не клевать!»
Утай пословицею сею
Свою речь кончил – замолчал;
Но что-то под нос бормотал.
Боян к бессмертному Кащею
Ему путь миной показал.
Благодарить было собрался,
Но бормотанья испугался,
Красивы мысли растерял.
Не смел сказать Утаю слова. –
Утай был очень рассержён.
Кащей, теперь судьба сурова
Тебе хороший даст трезвон!!

(ХД № 6)

Тексти прозою

От издателя

Вот первая связка²⁹ «Харьковского Демокрита» – издатель ещё не знает, как будут судить об ней; но скоро, – (через два, три дни) он услышит отзыв просвещённой публики. И – почтёт себя счастливым, ежели хотя *несколько* достигнет предназначенной им цели!

За долг особенный полагаю упомянуть здесь о том, что сей журнал будет наполняться произведениями нашего края. Издатель позволяет себе помещать и напечатанные пьесы*, но только те, коих сочинители принадлежат *нашему* же краю. Во-первых, для того, дабы познакомить *отдалённых* читателей сего журнала (издатель льстит себя надеждою, что таковые найдутся) с произведениями нашими; а во-вторых, дабы совершенно соблюсти название «Харьковского Демокрита».

(ХД № 1).

²⁹ Издатель вместо «книжки» употребил «связка», дабы не вышло противоречия заглавному листу Журнала.

Несколько слов к читателям

Издателю изъявили некоторые из читателей его журнала своё удивление, в рассуждении помещения некоторых статей, которые не относятся собственно к Демокриту.

Ошибка издателя состоит в том, что он не означил сих статей, как у него в объявлении было сказано.

Итак, для избежания подобных случаев, он должен сказать и то, что *весёлый* Демокрит не всегда должен быть *зубоскалом*; веселие не всегда изображается громким хохотом, часто одна улыбка, разливающаяся по довольному лицу, живописует душевную радость; и потому он надеется, что некоторые статьи в сей книжке и в последующих, по содержанию приятные только – а не забавные, не будут признаны (даже слишком строгими судьями) за статьи разнородные.

(ХД № 2).

Письма Русского Солдата

Милостивый государь!

Честь, сделанная Русскому Солдату помещением пиес его в Журнале Демокрит, тем для него чувствительнее, что издатель, без сомнения, оказал сим единственно своё снисхождение, имея много лучших материалов для наполнения своего Журнала. Снисхождение осмеливает — к несчастью моему я люблю иногда в свободное время марать бумагу — написавши, надобно кому-нибудь прочитывать, а без того чёрт ли бы велел взяться за перо — это обыкновенная слабость и естественна каждому, начиная с последнего бумагомарателя до Вольтера. Кому ж читать между нашею братьею военными — не для того, чтоб они не знали толку в литературе; но для того, что они, бедные, *заняты учением и разводами*. — Придёт кто-нибудь ко мне, хватаю поскорей свежесыпеченную пиесу — не успею прочитывать одной строки, как слышу страшный апостроф: «Чёрт тебя возьми с твоим сочинением! — Дай поскорей водки, да закусить — я устал до смерти». — Нечего делать — надобно положить под спуд любезное дитя.

Вышеупомянутое ваше снисхождение облегчает чадолюбивое моё сердце — я буду посылать вам в школу моих малюток — без сомнения должен я признаться (хоть и отец), что есть между ими негодяи; в таком разе, если после порядочного исправления вы увидите, что они никуда уже не годятся, то прошу возвратить их в родительский дом, где я найду для них занятие в укромном месте. — Без шуток — посылая при

сем несколько плодов моего досуга, я признаюсь, что они писаны наскоро и как случилось; я иногда так занят или ленив, что и переписать самому не хочется. Смею вас просить, милостивый государь! Если вам угодно будет что-нибудь из посылаемого при сем поместить в вашем Журнале, возьмите на себя труд пересмотреть то критически, и, если нужно, переменить или поправить. Верьте моей чести (это у меня страшная клятва), верьте, говорю, что это для меня будет крайне приятно. Например: последний стих в «Свидании Марса с Венерою» переменён, но так прекрасно, что мысль, которая была прежде очень темна, объяснилась; кажется, теперь всякий угадает, что благоразумием можно приобрести другой пояс. Я слышал от некоторых строгих критиков, впрочем, сведущих и благоразумных, что эта пьеса слишком вольна — неправда: всё, что могло бы оскорбить тонкое чувство, здесь скрыто — девушки иногда читают, а чаще слушают и не такие аллегии. Да! — кстати — Демокриту советовали не быть зубоскалом — что ж значит зубоскал? — кто смеётся сам не знает чему, и не только не забавен, но несносен — кого ж слушают с удовольствием — смеются, видя его смеющимся — и тот, кто аккомпанирует ему, не из сволочи (разумея здесь все классы сволочи), — тот не зубоскал, а Демокрит. Сделайте милость, поместите для этих господ в вашем Журнале Плачь Иеремии:* журналисту нужно всем угодить. Между тем, я боюсь наскучить вам, хотя не рассуждениями, но длинным саженым письмом, итак, кончаю засвидетельствованием искреннего солдатского почтения.

Ваш, милостивый государь, покорнейший слуга

P. S.

P. S. Посоветуйте мне – я имею намерение писать свои мысли в солдатском вкусе о журналах – и здесь открываю вам первую мысль – *журналы не должно судить слишком строго – довольно, если они нравятся нам в ту минуту, когда их читаем – зато они дешёвы – но сколько прекрасных вещей извлечено из журналов.*³⁰

Мая 1-го дня.

(ХД № 5).

Когда я просил у вас совета, можно ли мне, не так как критику, а как просто мыслящему солдату, открыть мысли свои о журналах, в то время я не воображал, что, напечатав письмо моё, вы обяжете меня некоторым образом выполнить сие намерение. Признаюсь, что я даже забыл о нём до сих пор, пока (и то довольно поздно) не взял вашего журнала в руки. Но теперь вижу – надобно что-нибудь сказать. «Журнал» – великое слово! Я об заклад бьюсь, что не всякий, кто их читает, понимает значение слова, а если и думает, что понимает, то (как говорят) навыворот. Например, начиная с самого издателя: он печатает в месяц, в

³⁰ Издателю очень приятно будет, ежели Журнал его в следующей *связке* украсится мыслями *Русского Солдата* насчёт журналов.

полмесяца, или, много, в неделю несколько листков всякого сбора в прозе и в стихах, ходячих прямо и хромым, и называет свои листки — «журнал». Я советовал бы ему сходить в полковую канцелярию (других я не знаю и боюсь, как язвы) и спросить у писаря, что значит журнал? Он отвечал бы ему: «Милостивый государь, журнал есть ежедневная записка всех бумаг, полученных и отправленных». Оттуда, пожалуй, пусть зайдёт к купцу, казначею и проч. и спросит у каждого, что в журнале он записывает? Тот покупку и продажу, тот приходы и расходы, учёный свеженькие мысли, волокита³¹ имена новых знакомых, мало заботящихся о его знакомстве, лекарь дома пациентов; да я и конца бы не нашёл журналам, т. е. дневным запискам (а мне кажется, милостивый государь, журнал иначе перевести нельзя): их не тысяча один, а без числа. Итак, кончится сия статья тем, что все почти так называемые журналы не суть журналы, а месячники, полумесячники, недельники. За сим следует: на какой конец сии месячники и проч. выходят на свет? Здесь я скажу, чаю, выдумка журналов есть прекрасное, бесподобное дело. Некстати бы мне говорить по учёному, но нельзя миновать, чтоб не сказать чего-нибудь о их начале: все почти приписывают Франции и господину *Сало*,* советнику Парижского парламента, изобретение

³¹ Под сим словом я разумею того, кто в один день обегает целый город, и поневоле к вечеру от усталости волочит ноги. Едва ли не приличнее сие название такого сорта людям, а не тем, кому оно обыкновенно даётся; доказательство, как несправедливо иногда названия изображают вещь.

журналов, таковых или подобных, как мы их видим. Он начал издавать в 1665 году журнал учёных (Journal des savants). Самое название, кажется, показывает, что учёные, истинные или самозванные, присылали к издателю свои сочинения или замечания. Предо мною лежит книга, из которой мог бы я выписать всю историю журналов от их сотворения до сего дни; но судя по себе, я знаю, как несносно читать вздор без вкуса и без соли для того только, что он пахнет учёностью. Намерение моё сказать слова два о пользе журналов (каковы они ни есть), да и тут беда! Об них так много писали, что писать ничего не осталось. Об ином журнале говорят иногда слишком много, но тогда редко отдают ему должную справедливость; а о другом совсем ничего не говорят: это ещё хуже! Но после всех суждений и пересудов журналы останутся преполезною и приятною каждому любителю просвещения выдумкою. Журнал не для вечности; одно имя и намерение его оправдывает. Я сказал бы господам строгим критикам: государи мои, как вы об том подумаете, кто, слушая умного и весёлого человека, который своими разговорами научает и забавляет собрание, с педантскою важностью подступит к нему и скажет: «Вы говорите умно и приятно, но позвольте вам заметить, что вы не всегда говорите то, чего мне хочется; вы говорите кстати, но это чрез несколько времени не будет больше кстати; иногда вы говорите о предметах, которые я не очень понимаю; вы делаете наставления быть сострадательным и человеколюбивым, а я не всегда бываю к тому расположен; вы смешите других, осмеивая меня: за то я

вам вечно не прощу и буду ругать ваши разговоры пока достанет у меня гортани». Я слышу, кажется, ответ сего почтенного человека: «Мой друг, по долгу христианства и человечества я сожалею о вашей гортани и даю вам дружеской совет никогда меня не слушать!» Не таковы ли критики журналов? Всякий знает, что в них есть слабые пиесы да и критики не без слабостей. Что касается до меня, по совести вам скажу, что с сердечным удовольствием я читаю многие пиесы в «Украинском вестнике»³²:* старинные известия о родной стороне, и самые маловажные, должны быть каждому милы, если он не болван деревянно-иностранный; видеть успехи благотворительности и просвещения в отечестве ещё милее; даже просто литературные пиесы многие очень занимательны. За час пред сим с сладчайшим чувством я читал пиесу «Юстин, или Добрый брат».* Чего ж вам хочется? Где строгие критики? Вы можете и смеяться, и плакать с удовольствием, а всё ворчите; если ж вы ни плакать, ни смеяться не можете от доброго сердца, а только судорожно, советую вам не читать не только журналов, но и «Бовы королевича». Простите, милостивый государь, спешу к должности, пишу наскоро³³; надобно было что-нибудь написать, а теперь уже 8-е число. Позвольте сделать также последнее прощальное

³² Господин издатель и всякий читатель догадается, почему я не хвалю Демокрита.

³³ Прошу покорнейше сделать замечание, что для журналов писать наскоро есть вещь простительная: кто захочет трудиться по целым десяткам лет, зная наверно, что труды его чрез неделю будут лежать в табачной лавке, а много что под лавкою.

почтение вашему журналу, который, как я слышал, кончается. Поздравляю с освобождением от тяжкого ига, и честь имею быть

Вашим истинным почитателем и покорнейшим слугою

Русский Солдат.

(ХД № 6)

Примітки редактора інтернетної публікації

У цьому збірнику читачеві представлені твори Василя Масловича, опубліковані у журналі «Харьковский Демокрит» 1816 року.

Василь Григорович Маслович (1793-1842) – український (харківський) літератор: поет, прозаїк, байкар, гуморист, сатирик, літературознавець, журналіст, видавець. Народився 18 грудня 1793 року в родині військового лікаря Чернігівського полку Григорія Масловича, чий рід мав сербське коріння. Батько залишив дружину із сином, коли Василеві не виповнилося й року. Переїхавши до Харкова, після недовгого перебування у Кам'янці-Подільському, мати з дитиною оселилися в будинку майора Іони Миколайовича Познанського, який був дядьком Василя Масловича за материнською лінією. Бездітний Іона Познанський дбав про небожа, як про рідного сина, багато зробив для його виховання та освіти, і, зрештою, оголосив його своїм спадкоємцем, до якого згодом перейшли майно та статки дядька, зокрема харківський будинок та багатий маєток під Харковом.

Початкову та середню освіту Василь Маслович здобув в інтернаті просвітителя Василя Фотієва, в пансіонаті француза Пакі-де-Совіньї та в Харківській гімназії. Після чого вступив до Харківського університету. З 1811 року Маслович починає публікувати свої твори у друкованому вигляді, у пресі та окремими виданнями. У 1814 виходить перша збірка його творів «Байки Масловича». У 1815 Маслович

видає першу книгу творів свого старшого друга Якіма Нахімова, померлого в 1814.

В 1816 Маслович закінчує університет і отримує ступінь доктора образотворчих наук. І за матеріалами своєї лекції, читаної з нагоди докторського іспиту, одразу видає книгу «О басне и баснописцах разных народов, известие об их жизни, с некоторыми замечаниями на их басни и самые басни оных».

З січня цього ж 1816 починає виходити щомісячний літературний журнал «Харьковский Демокрит», засновником і видавцем якого був Василь Маслович. Він же був і автором більшості текстів, що друкувалися там. Це періодичне видання (в основному гумористично-сатиричного спрямування) стало першим журналом в Україні (поряд із журналом «Український вісник», який почав видаватися одночасно і друкувався в тій самій друкарні Харківського університету), та першим періодичним виданням, де надруковано тексти українською мовою (автором яких є сам Маслович), але в основному виданням російськомовним. Видавався 1816 року щомісяця з січня по червень включно. У журналі друкувалися твори авторів Слобідської України, а також переклади ними текстів зарубіжних літераторів. Усього видано шість книжок журналу (або шість зв'язок, як називав його номери засновник та видавець). Демокрит – давньогрецький філософ, відомий, крім іншого, гарним почуттям гумору та веселою вдачею. «Харьковским Демокритом» видавець назвав свій журнал за аналогією з петербурзьким журналом «Демокрит», якого було видано лише два номери.

У 1817-1820 роках Маслович живе у Санкт-Петербурзі. Там у 1818 видає свої книги «Память о Харьковском стихотворце Акиме Николаевиче Нахимове» і «Замечания и чувствования или путешествие, каких мало или каких очень много, из Харькова до Санкт-Петербурга». Потім повертається до Харкова, де залишається до кінця життя.

Після видання у 1925 році своєї нової, доповненої та виправленої збірки «Басни В. Масловича, доктора изящных наук и члена Харьковского общества наук» – найбільшого зібрання його творів, Василь Маслович відходить від активної видавничої та літературної діяльності. Помер 1841 року.

У 1890 його син Микола Маслович видав окремою книгою комічну поему Василя Масловича «Сказка про Харька, основателя Харькова, про его дочь Гапку и батрака Якива», дві перші частини якої Василь Маслович опублікував уперше у своєму «Харьковском Демокрите» під заголовком «Основание Харькова».

На жаль, після дев'ятнадцятого століття твори Василя Масловича не перевидавались (якщо не брати до уваги кілька невеликих цитат у статтях про цього автора та його журнал) і існують у вигляді стародруків і не друкованих архівних рукописів.

У цій інтернетній публікації тексти приведені в основному у відповідність до нинішніх великороських та українських правописів. Але подекуди збережені особливості цих мов початку дев'ятнадцятого століття для історичного колориту.

Від'їзд студента на учительство до Олешків. – Вірш Василя Масловича українською мовою. Втім, автор у виносці уточнює, що твір написано мовою не чистою, а змішаною, тобто так званим суржиком. У ті часи правобережна частина України називалася Малоросією, а лівобережна – просто Україною. Говірку жителів Малоросії тоді називали малоросійською мовою, а говірку жителів східної частини, де до українських слів було домішано трохи і великороських – українською мовою. Принаймні так вважав Василь Маслович. Зрозуміло, це були не різні мови, а діалекти однієї української. В «Харьковском Демокрите» українською мовою було надруковано лише два вірші та два фрагменти у поемі «Основание Харкова». І це були найперші публікації в пресі текстів українською. Маслович написав і інші твори українською, але вони не публікувалися і залишилися лише в рукописах. Олешки – нині місто у Херсонському районі Херсонської області, під час «Харьковского Демокрита» – центр Дніпровського повіту Таврійської губернії.

... по Зміївській дорозі, За Васищевим за селом, За Удами при перевозі... – Зміївська дорога – шлях від Харкова до міста Зміїв у Харківській області; Васищеве – селище за десять кілометрів на південь від Харкова; Уди – річка, яка протікає крізь місто Харків і на південний схід уливається у Сіверський Донець.

Бедный харьковский шиит... – Цей віршований лист начебто невідомого поета до видавця «Харьковского

Демокрита» – містифікація, оскільки справжнім автором цього тексту є сам видавець журналу Василь Маслович. Так уважав український літературознавець Іван Єрофеєв, який висловив цю думку у статті «Перший журналіст на Слобожанщині», надрукованій 1925 року в журналі «Червоний Шлях», № 10 (31). Маслович неодноразово містифікував читачів, публікуючи в «Харьковском Демокрите» деякі власні твори під виглядом надісланих йому, мовляв, іншими людьми текстів.

... как Ир, убогий... – персонаж поеми Гомера «Одіссея», жебрак, який просить милостиню. Ир – його прізвисько, а справжнє ім'я – Арней.

Свешникову похвалить. – Осип Леонтійович Свешніков (1785-1847) – московський купець, видавець, книгопродавець.

Аруэт – Франсуа-Марі Аруе (1694-1778) – французький філософ-просвітитель, поет, прозаїк, сатирик, трагик, історик та публіцист, відомий під псевдонімом Вольтер.

Не интерес ли зло на свете всё рождает? – У цій сатирі слово «інтерес» використано не у значенні «цікавість», а у значенні «вигода».

... боится расстаней... – Росстань – роздоріжжя, перехрестя кількох доріг; а також ситуація, за якої необхідно робити вибір.

... потоне... – тонше.

... на терезях доход. – Терези – ваги.

Фонвизина слуга их, правда, уж тревожил... – Мається на увазі сатиричний вірш Дениса Фонвізіна «Послання к слугам моим Шумилову, Ваньке и Петрушке» (1762), де, крім інших, критикується і церковний стан.

О милой грации... – У давніх римлян граціями називалися три богині веселощів, радості, вишуканості, привабливості та краси (давні греки називали їх харитами), яких звать Пасифея, Аглая і Харита; втім, в античній літературі вони згадуються і під іншими іменами. Вважається, що грації, як і музи, надихають творців на створення творів літератури та мистецтва.

Беати, Мендельзон, И Сульцер, Монтескье, и Гагедорн, и Гомы... – Мендельзон – ймовірно, мається на увазі так званий «німецький Сократ», єврейський філософ Мозес Мендельсон (1729-1786). Сульцер – Йоганн Георг Зульцер (1720-1779) – німецький філософ-естетик; Шарль Луї де Монтеск'є (1689-1755) – французький філософ; Фрідріх фон Гагедорн (1708–1754), німецький поет. А які згадані Беаті та Гоми – не ясно.

... как Симонид... – Симонід Кеоський або Симонід Молодший (557-468 до н. е.), грецький ліричний поет.

Тредьяковський наш Василь... – Василь Кирилович Тредіаковський (1703-1768), великороський поет, перекладач та філолог.

Там Аминт, пастух любезный... – Головний герой пасторальної драми італійського поета і драматурга Торквато Тассо (1544-1595), написаної 1573-го року, яка так і називається: «Амінта».

... мой рожок? – Мається на увазі ємність для нюхального тютюну у формі рога.

... я и вам трясусь на соколос... – Соколос – місце на тильній стороні долоні між великим та вказівним пальцем, куди насипали дрібку нюхального тютюну, перш ніж його понюхати.

С юной Грушей я сидел... – Неофіційно Грушами звали жінок, котрі офіційно носили ім'я Аграфена.

Но не на Пинд, а на Холодну... – Пінд – гірська гряда в Греції, що відокремлює Фессалію від Епіра. За міфологією, Піндом володів Аполлон. У переносному значенні Пінд – дім поезії. Холодна гора – один із п'яти пагорбів, на яких розкинулося місто Харків. Має місце у західній частині міста.

Хотя истоки вы кастальски... – Вода із джерела Касталія на горі Парнас із часів Еллади вважається символом поетичного натхнення.

И. Д. К. – Ігор Дмитрович Книгін (1773-1830) – заслужений професор та декан медичного факультету Харківського університету. Прізвище від народження – Булгаков, а прізвисько Книгін, яке згодом стало його офіційним прізвищем, отримав за книголюбство підчас навчання в семінарії. З 1811 року Книгін служив у Харківському університеті ординарним професором анатомії, фізіології, судової медицини та медичної поліції. 1813 року був обраний директором природного відділення у Товаристві наук при Харківському університеті.

Владеет лирой лишь Пиндар... – Піндар (приблизно 520-443 роки до н.е.), один із найбільших давньогрецьких поетів. Чудово грав на лірі і, можливо, складав музику.

Евтерпа будет пусть Параска... – Євтерпа чи Евтерпа – муза ліричної поезії та музики.

Пребудь у нас хоть Ноя веки... – Згідно з Книгою Буття (Біблія, Старий Завіт), Ной прожив 950 років.

... подлунный мир... – У сучасному великороському правописі відсутня відмінність у написанні слова «мир» у значенні «відсутність війни» і «мир» у значенні «світ». У «Харьковском Демокрите», згідно з тодішнім старим правописом, у першому значенні надруковано «Мирь», а в другому – «Мір».

Когда захочет Бонька к нам... – Бонькою на той час у Російській імперії презирливо називали французького імператора Наполеона Першого Бонапарта.

Се вся учёность нынъ по форме нарядилась... – У цьому вірші перераховуються деякі дисципліни, що вивчалися на той час у Харківському університеті: «ікс» символізує математику, «газ» – хімію, «магнетизм» – фізику, «силлогізм» – логіку, «кантицизм» – філософію (від прізвища німецького філософа Іммануїла Канта), а естетика та література фігурують під своїми назвами.

В тупик бы, кажется, Вергилий стал Марон, Рафаэль, Апеллес штандарт бы преклонили; Они ведь маляры, а не Гогарты были. – Натяк на те, що «вченість», котра фігурує у вірші, заслуговує на карикатурний, а не патетичний опис. Англійський художник Вільям Гогарт (1697-1764) був, крім іншого, карикатуристом, який іронічно зображував явища сучасного йому життя. А давньоримському поетові Вергілію Марону та художникам – давньогрецькому Апеллесу та італійському епохи Відродження Рафаелю Санті – карикатуризм не притаманний.

Ты мне на главу надела Славный докторский колпак! – Василь Маслович отримав ступінь доктора образотворчих наук (тобто літератури та мистецтва). Але оскільки слово «доктор» асоціюється в першу чергу з медициною, автор обігрує цей аспект,

зображуючи себе лікарем, який бажає підлікувати фортуна. До речі, Василь Маслович був сином військового лікаря.

Actio ix будет та же, Pariter от Зевса глаз! – Actio – дія, pariter – однаково (латин.)

... целый гран... – Гран – застаріла міра ваги, що спочатку означала вагу ячмінного зерна. Трохи більше ніж шістдесят міліграм.

... покал винца... – Покал – застарілий варіант слова «бокал».

... за царя... царския супруги... царя семейство! – Маються на увазі тодішній російський імператор Олександр Перший, його дружина Марія Луїза Августа, його численні брати та сестри, племінники та племінниці. Дітей (принаймні законнароджених) у нього не було (обидві доньки до того часу померли маленькими).

... роман вам «Эвелину». – «Евеліна, або Історія вступу молодой леді у світ» – роман, написаний англійською письменницею Френсіс Берні і вперше опублікований в 1778 році.

... о Зевсе брат! – У цьому вірші згадуються боги та богині давньогрецької та давньоримської міфології: Арес (Марс) – бог війни; Аполлон (Феб) – бог наук та мистецтв; Зевс (Юпітер) – верховний бог-

громовержець; Асклепій (Ескулап) – бог лікування; Афіна (Мінерва) – богиня мудрості та справедливої війни; Деметра (Церера) – богиня полів та родючості; Посейдон (Нептун) – бог морів; Діоніс або Вакх (Бахус) – бог виноробства; Афродіта (Венера) – богиня кохання; Гефест (Вулкан) – бог вогню та ковальської справи; Ерот (Купідон або Амур) – бог кохання; Гера (Юнона) – богиня сім'ї; Кібела або Цибелла (Опа) – богиня-володарка гір, лісів, звірів; Гермес чи Ермій (Меркурій) – бог торгівлі; Аїд (Плутон) – бог царства мертвих; Еніо (Беллона) – богиня несамовитої війни.

... сарматам верный друг... – Під сарматами тут маються на увазі поляки. Це пов'язано з тим, що в Польщі XVI-XIX століть мала місце концепція сарматизму, згідно з якою польська шляхта є, мовляв, нащадками античних сарматів.

... держались Корсиканца... – Французький імператор Наполеон Перший Бонапарт народився на острові Корсика.

... Елисейские пошуре растворил. – Єлисейські поля (Елізіум) – в античній міфології частина потойбіччя, куди потрапляють після смерті душі людей.

Всадник бодцем подстрекает... – Бодці – шпори.

... à la Санградо. – Лікар Санградо – персонаж роману Алена Рене Лесажа «Історія Жиля Бласа зі Сантільяни».

Кто смеет стать со мной à bord? – “À bord” у дослівному перекладі з французької – «на борту». У сенсі – врівень, поряд.

Который прежнему... – Мається на увазі петербурзький журнал «Демокрит».

О, бедный Вертер... – Мається на увазі, звичайно, головний герой повісті «Страждання юного Вертера» (1774) Йоганна Вольфганга фон Гете. До речі, цей німецький класик спілкувався з кількома представниками харківської еліти та брав участь у заснуванні Харківського університету, за що був удостоєний звання почесного члена Ради Харківського університету.

Жестокий Гимен... – Тут мається на увазі давньогрецький бог шлюбу Гіменей.

Брак ведь польскому подобен... – Польський – так у вісімнадцятому та на початку дев'ятнадцятого століть у Російській імперії називали танець полонез.

En français je parle tres-bien... – Я дуже добре розмовляю французькою.

... бурмицкого две нитки... – Бурмицьким зерном у Російській імперії називали великі перли (дрібні називали кафимським зерном); дві нитки бурмицького означає – два намиста з великих перлин.

Есть бородок сотня с лишком... – Тобто – російських кріпаків, які носили бороди, на відміну від голених чоловіків вищого стану.

Adieu! – Прощання! (З франц.)

Квитка, хочешь удивиться... Верно вскрикнем мы: «Хочу!» – Вірш «Г. Квитке в ответ на его "Не хочу"» є ніби реакцією на вірш Григорія Квітки (Основ'яненка) «Не хочу», надрукованому в попередньому, лютневому номері «Харьковского Демокрита» (написаний ним, втім, не від власного імені, а від імені якогось невдахи у справах кохання). Втім, і сам Квітка на той час не був одружений; одружиться через п'ять років. Авторство невідомої жінки, можливо, є містифікацією; можливо, вірш написав видавець журналу Василь Маслович.

Люблю я знать... Не дай Бог знать! – Використана гра слів: іменника «знать» у значенні «знатні люди, вельможі, аристократи» та дієслова «знать» у значенні «мати знайомство».

На снурок чтоб написать... – Тобто написати про снурок. «Снурок» – застарілий варіант слова «шнурок».

... лучше постригись... – Тобто – йди до монастиря, стань черницею.

... ни супира. – Супир – тонкий перстень, який носять на мізинці на згадку про когось.

... парку люту... – У давньоримській міфології парками називалися три богині долі (у стародавніх греків – мойри), які ткали нитки людських життів; переривання такої нитки означало смерть.

Из Бори, Плиния, вы можете узнать... – Жан-Батіст Борі де Сен-Венсан (1778-1846) – французький біолог та мандрівник. Йдеться про його книгу «Подорож на африканські острови» (1803). Гай Пліній Секунд (Пліній Старший, 23-79 роки н.е.) – давньоримський літератор-енциклопедист. Йдеться про VIII том його тридцятисемитомної енциклопедії «Природнича історія».

... ниже умом, Ниже инстинктом... – Застарілий союз «ниже» означає заперечення; тобто наведене словосполучення значить: «вовсе не умом, вовсе не инстинктом».

... перед крючком... – «Крючками» на той час насмішкувато називали непорядних чиновників.

Тут поздно бедный волк приметил, Что чересчур перемудрил. Лом. – Рядки з байки Михайла Ломоносова «Лишь только дневный шум замолк...», яка є російським перекладом байки французького байкаря Жана де Лафонтена під назвою «Вовк, що став пастухом».

... *Филиппку, Савку...* – Філіп та Сава – слуги автора, Василя Масловича, яких він згадує і в деяких інших своїх віршованих творах, надрукованих у «Харьковском Демокрите».

Державин, Горчаковы И Дмитриев и Карамзин, Капнист, Жуковский, Мерзляковы... – Відомі великороські поети того часу: Гавриїл Романович Державін (1743-1816), Дмитро Петрович Горчаков (1758-1824), Іван Іванович Дмитрієв (1760-1837), Микола Михайлович Карамзін (1766-1826), Василь Васильович Капніст (1758-1823), Василь Андрійович Жуковський (1783-1852); Олексій Федорович Мерзляков (1778-1830).

... *эту шаль?* – Тут слово «шаль» вжито не у значенні «велика хустина», а у значенні «безрозсудний, шалений вчинок, витівка».

Лишь только скрылся дневный свет... – У своїй байці «Волк в пастушьем наряде» Василь Маслович переказує своїми словами байку Михайла Ломоносова «Лишь только дневный шум замолк...» (Дивіться вище примітку щодо епіграфа до вірша В. Масловича «Ода на мир Европы, превращённая в баснь»).

Российский Пиндар... – Піндар – давньогрецький поет, який жив у VI-V століттях до нашої ери. Писав переважно оди та гімни.

Из Глейма. – Йоганн Вільгельм Людвіг Глейм (1719-1803) – німецький поет.

Злодей в сей басне – галл... – Йдеться про французів, а конкретніше – Наполеона. Галлами французів в новий час називали тому, що в античні часи на території Франції (яка тоді, звичайно, не носила такої назви) і інших країн мешкали, крім інших племен, і кельти, яких римляни називали галлами.

Германский Цицерон, которого послушались соземцы. – Мається на увазі німецький драматург Ернст Беньямін Соломон Раупах (1784-1852), який з 1806 по 1823 жив у Росії. Служив професором Санкт-Петербурзького університету. Крім іншого, він є автором тексту «Звернення до німців. Заклик до визвольної війни проти Наполеона», яке було надруковане 1813 року в Санкт-Петербурзі у великороському перекладі Філіпа Синельникова. З Росії Раупах поїхав назад до Німеччини після переслідувань з боку російської влади, яка звинуватила його у вільнодумстві та поширенні «шкідливих ідей».

Эзоп играл с детьми в орехи... – Езоп (620-564 до н.е.) – давньогрецький байкар, основоположник жанру байки, який був простим рабом.

Лисица – Веллингтон... – Артур Велслі (1769-1852), герцог Веллінгтон – британський полководець і державний діяч, фельдмаршал, учасник Наполеонівських воєн, переможець при Ватерлоо. У

байці натяк на те, що Наполеон, мовляв, наслідував кривавих тиранів і агресорів минулих часів. Ця тема є і в деяких інших віршах, надрукованих у журналі «Харьковский Демокрит».

Когда бы жил тогда Абрам, Так свет бы рай доселе видел... – Мається на увазі, що Авраам був більш слухняний Господу, ніж Адам, вигнаний із раю за непослух. (Біблія, Книга Буття).

Возьми ты Робеспьера кровь, Столчи печёнку ты Нерона С Тиверья сердцем... – Французький революціонер Максимільєн Марі Ізідор де Робесп'єр (1758-1794), римські імператори Нерон Клавдій Цезар Август Германик (37-68) і Тіберій Юлій Цезар Август (42 до н. е. - 37 н. е.) відомі як жорстокі тирані, винуватці вбивств багатьох людей.

... ton père u mère... – мої тато і мама (з французької).

... пастырь люботинский... – Нині Люботин є містом у Харківському районі Харківської області.

Кенотафия И. И. Л. – Кенотафією, або кенотафом, або ценотафом, називається надгробний пам'ятник покійнику, але встановлений не в тому місці, де його поховано.

Молчите, петиметры... – Петиметр – молодий дженджик-француз, франт, або російський молодий

дворянин, що рабськи наслідує цей французький зразок.

Песнь надовеская – Надовеси – індіанське плем'я в Північній Америці. Відомим твором про це плем'я є вірш Фрідріха Шиллера «Надовеський похоронний плач».

Подле Лопани... – Лопань – одна із річок, що протікають територією міста Харкова; в історичному центрі міста у неї вливається річка Харків.

... дочь Харька была... – Згідно з однією із харківських легенд назва міста Харкова йде від козака на ім'я Харько (Харитон), який, нібито, був першим поселенцем на цьому місці. Зрозуміло, це не є історичною правдою. Назва походить від річки Харків, на берегах якої стоїть місто, а річка так називалася задовго і до заснування там міста, і до заснування козацтва. Існують і інші легенди. Наприклад, згідно з однією із них, викладеною Григорієм Квіткою-Основ'яненком у прозовому творі з тією ж назвою «Основание Харькова», засновником Харкова був, мовляв, його предок Андрій Квітка, нібито син московського боярина, що буцімто виріс у Києві, в будинку поляка – київського воєводи.

Тут хотелось покривить Рыцарю душою, Но татарин был обрит, А не с бородою. – Тобто Яків хотів схитрувати, доставивши пану Харьку жмут

волосся з бороди зустрічного татарина замість обіцяного пасма бороди кримського хана.

Продолжение впродь. – Повний текст поеми Василя Масловича «Основание Харькова», всі три частини, були опубліковані у 1890-му році, за 49 років після смерті поета, окремою книгою, під іншою назвою «Сказка про Харька, основателя Харькова, про дочь его Гапку и батрака Якива». Книжковий варіант дещо відрізняється від журнального, але не суттєво. Ця книга, як і «Харьковский Демокрит», була надрукована у Харкові. Її видавцем виступив Микола Васильович Маслович, син поета. Книга викладена в Інтернеті, тому читач, за бажання, може легко з нею ознайомитися.

... позабуду Геликон. – На горі Гелікон, згідно з давньогрецькою міфологією, жили музи, як і на горі Парнас.

Да пусть сравнится он с Бовою И пусть Полкана превзойдет... – Витязь Бова та кентавр Полкан – персонажі «Повісті про Бову королевича».

...с рогатым, круглым знаком... – Тобто з короною.

... любезный Савва! – Сава чи Савка – один із двох юних на той час слуг автора, Василя Масловича (другого слугу звали Філіпом), які, очевидно, були першими читачами його творів і яких він згадує у

деяких віршованих текстах, надрукованих у «Харьковском Демокрите».

Херсон, Бова и Ерусланы... – Херсон – персонаж лубочних повістей «Херсон та Калімбера. Лицарська повість, оспівана бардом Октавієм Скальдом у присутності короля Річарда Левове Серце в XI столітті» і «Історія про славного лицаря Поліціона, єгипетського царевича, і прекрасну королівну Мілітину, і про сина їхнього, дивного в героях Херсона, і про прекрасну царівну Калімберу»; Бова – персонаж лубочної «Повісті про Бову королевича»; Єруслан – персонаж лубочної «Казки про Єруслана Лазаревича».

Qui bene bibit... – Той, хто добре п'є... Початок силогізму: *Qui bene bibit, bene vivit. Qui bene vivit, in caelum venit.* – Той, хто добре п'є, добре живе. Хто добре живе, той потрапляє до раю.

Qui legit D... – Хто читає Д...

Qui legit D... Bene dormit, Qui bene dormit, non peccat, Qui non peccat, santus est; Ergo, qui legit D... santus est. – Хто читає Д..., той добре спить, хто добре спить, той не грішить, хто не грішить, той святий; отже, той, хто читає Д..., святий. (Під «Д...» мається на увазі, звісно, «Харьковский Демокрит»).

Чтобы игру искоренить... – Маються на увазі азартні ігри на гроші, що призводять деяких гравців до розорення та злиднів або самогубства.

Не переваживать весов... – Тобто не обманювати покупців під час зважування товарів.

В ночь воробьиною... – Гороб'їною (чи горобиною) східні слов'яни називали таку ніч (як правило, літню), коли вирувала сильна гроза. Вважалося, що такої ночі відбувається розгул нечистої сили.

Летит – уносит в терем свой. – У читача може виникнути підозра, що епізод умикання Любими чаклуном Кацієм автор «Утаиды» написав під впливом епізоду викрадення Людмили чаклуном Чорномором у поемі Олександра Пушкіна «Руслан і Людмила». Щоб переконатися, що це не так, достатньо звернути увагу на часи публікацій цих поем. Поема «Руслан і Людмила» була опублікована за чотири роки після публікації у «Харьковском Демокрите» «Утаиды» (а почав Пушкін писати свій твір на шість років пізніше за Масловича). Отже, хронологічно, це Пушкін міг запозичити цей епізод у Масловича, а не навпаки. Але напевно Пушкін не був знайомий з «Утаидой» і не знав про існування її автора. Схожість епізодів є наслідком того, що обоє поети надихалися великороськими народними казками та чарівними баладами інших поетів (зокрема Василя Жуковського).

... пьесы... – Словом «пієси» видавець тут називає не п'єси, тобто драматургічні твори, а будь-які тексти.

Плач Иеремии – частина Біблії: одна з книг Старого Завіту.

... господину Сало... – Дені де Салло (1626-1669).

... пьесы в «Украинском вестнике». – «Украинский вестник» – журнал, який почав видаватися одночасно з «Харьковским Демокритом» (у січні 1816 року) та друкувався у тій же друкарні Харківського університету. Серед авторів та редакторів «Украинского вестника» були й ті, хто публікувався у «Харьковском Демокрите». Крім творів художньої літератури (зокрема і українською мовою), в «Украинском вестнике» друкувалися харківські новини та статті про історію, мистецтво, науки, релігію, філософію, політику, громадське життя тощо. В 1819 Міністерство освіти Російської імперії заборонило видання цього журналу, вважаючи його вільнодумним і неблагонамірним. Не треба плутати харківський журнал «Украинский вестник», що виходив у 1816-1819 роках, з петербурзьким журналом «Украинский вестник», що виходив у 1906 році.

«Юстин, или Добрый брат». – Цей твір друкувався в «Украинском вестнике» частинами у кількох номерах, у рубриці «Детское чтение». У підзаголовку вказано: «Повесть из Бланшарда». Тобто це російський переклад повісті з книги французького книговидавця та письменника П'єра Бланшара (псевдонім – Платон Бланшар, 1772-1856). Цей літератор спеціалізувався на написанні, друкуванні та

поширенні повчальних та пізнавальних книжок для дітей.